

K. 789 KX

273633

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620399

9

49.34

№ 11. № 1.

БИБЛИОТЕКА СЪВЕРА

А. Крашевскій

662 КОРОЛЬ ХЛОПОВЪ.

ТОМЪ
IV.

Апрѣль.

12. IV.
658.

1908
1650+

2484
Безплатно приложение.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ Н. О. МЕРТЦА.

1898

1082

КОРОЛЬ ХЛОПОВЪ.

К 789-к-х. I-II

12. IV
658

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

I. КРАШЕВСКАГО.

1908
1650+

ПРОВЕРЕНО
МВБ 1943

КРАШЕВСКАГО
273633
Изм. 2

ПРОВЕРЕНО
ЦЛБ 19...

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К°», Фонтанка 95.

1900.

58

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 апрѣля, 1900 года.

Часть первая.

ПРОЛОГЪ.

Въ большой залѣ со сводами въ краковскомъ замкѣ, внизу, распространялся вечерній сумракъ. Узкія окна, глубоко сидѣвшія въ толстыхъ стѣнахъ, почти все были закрыты непроницаемыми занавѣсями, и только черезъ нѣкоторыя едва проникали солнечные лучи погасавшаго дня. Итальянская масляная лампа стояла зажженной въ углу, и ея слабый свѣтъ едва освѣщалъ небольшое пространство колеблющимся, мерцающимъ пламенемъ. Въ просторной комнатѣ и въ сѣняхъ царствовала глубокая тишина; да и на дворахъ все было тихо и почти никто не проходилъ.

Въ костелѣ св. Вацлава уныло звонили къ вечерней молитвѣ.

Въ одномъ углу залы, на широкой постели, покрытой кожами и сукнами, видѣлось, на темномъ фонѣ шелкового покрывала, на подушкахъ, блѣдное лицо съ закрытыми глазами какъ будто спящаго челоуѣка пожилыхъ лѣтъ. Съ одной стороны постели стоялъ въ тѣни старикъ въ духовной рясѣ, съ нахмуренными бровями, который смотрѣлъ на лежащаго; съ другой, — не то полусидѣлъ, не то полустоялъ молодой челоуѣкъ, заботливо наклонившійся надъ больнымъ съ высокаго сидѣнья; онъ былъ красивый, сильный и съ благородными чертами лица. Устремивъ свой безпокойный взглядъ на больного, онъ заломилъ руки и держалъ ихъ на колѣняхъ.

Немного далѣе стояла женщина въ длинномъ, плотно обтянутомъ, сѣромъ платьѣ, съ покрытою головою и съ четками въ рукахъ, которыя она быстро перебирала худенькими пальцами. Въ ногахъ постели стоялъ монахъ въ бѣлой рясѣ и черномъ плащѣ, съ сложенными руками, который шепталъ молитву, возведя глаза къ небу. На этомъ одрѣ лежалъ, въ ожиданіи смерти и освобожденія души изъ тѣла, король, который полвѣка боролся и заботился о соединеніи въ одно цѣлое раздробившагося наслѣдства Мѣшки и Болеслава Храбраго, король Владиславъ, прозванный Локтикомъ. Это былъ великій мужъ съ могущественной и сильной душой въ маленькомъ тѣлѣ. Онъ самъ чувствовалъ, да и всѣ видѣли, приближающійся послѣдній часъ его жизни. Но не болѣзнь и не раны побѣдили его и сшибли съ ногъ, а продолжительный трудъ и безконечныя заботы лишили остатка силъ: онъ медленно угасалъ, потому что жизненный огонь выгорѣлъ до дна. Онъ умиралъ съ тою силою души, съ которою жилъ, мужественно и спокойно, не защищаясь отъ смерти, а желая ея и уходя въ могилу съ радостью въ сердцѣ. Правда, онъ не достигъ всего, чего желалъ достигнуть, но немногаго и недоставало для исполненія его завѣтной мысли, зародившейся въ дѣтствѣ, взлелеянной жизнью и созрѣвшей въ бояхъ, и эту мысль онъ оставлялъ своему сыну въ наслѣдство.

Монахъ-доминиканецъ, Гелій, стоявшій въ ногахъ, уже примирилъ короля съ Богомъ, и Владиславъ въ этотъ день объявилъ свою послѣднюю волю сановникамъ и защитникамъ своего королевства и попрощался со всѣми; онъ простился съ женой, благословилъ сына, которому завѣщалъ Польшу, и поручилъ своимъ вѣрноподаннымъ единственнаго своего ребенка.

Лѣкарь-каноникъ, Вацлавъ, предсказалъ ужъ близкую кончину; королева Ядвига, плача, читала молитвы за отходящихъ въ вѣчность, но смерть все еще не приходила... и король боролся остатками своихъ силъ, закаленныхъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ съ непріятелями. Казалось, что король только засыпаетъ; а его дыханіе то лихорадочно и быстро увеличивалось, то такъ ослабѣвало, что его нельзя было слышать. Ослабѣвшія вѣки внезапно поднимались, голова шевелилась, запекшіяся губы открывались, поблѣкшіе глаза скользили по окружающимъ его и онъ по временамъ возвращался къ жизни. Духъ

старого воина какъ будто былъ прикованъ къ изнуренному го-
дами тѣлу, съ которымъ онъ не могъ разстаться.

Наступала ночь, послѣ которой слѣдующій день ужъ не
долженъ былъ, по предположенію медика, застать его живымъ.

Однако, онъ и самъ удивлялся и не разъ былъ смущенъ,
видя явныя чудеса на одрѣ смерти, на которомъ происходила
непредвидѣнная имъ и неизвѣстная для него борьба жизни, не
подающейся уничтоженію... Локтикъ возвращался къ ней, под-
крѣпленный сномъ. Хотя лицо его давно ужъ приняло мертвенный
цвѣтъ, было безкровно и желто, не допуская видѣть на немъ
подкрадывающейся смерти, но грудь поднималась и дыханіе,
хотя и хрипкое, но еще было замѣтно. Стоявшій надъ боль-
нымъ лѣкарь сдѣлалъ знакъ не прерывать его сна и тихо
отошелъ на цыпочкахъ отъ постели; монахъ Гелій и королева
тоже отошли; послѣдняя даже направилась медленными шагами
къ двери.

Король дѣйствительно засыпалъ.

Всѣ въ этотъ день, послѣ дневного волненія, и сами стре-
мились отдохнуть, а потому удалились въ боковую комнату,
чтобы тамъ дожидаться пробужденія, которое еще надѣялись
видѣть. Только одинъ сынъ остался неподвижно при отцѣ и
отвѣтилъ на сдѣланный знакъ матерью отрицательнымъ кив-
комъ головы, давъ ей тѣмъ понять, что онъ останется при
отцѣ. Вѣдь онъ еще недавно слышалъ изъ его устъ послѣднія
слова благословенія и наставленій; еще недавно раздавались
здѣсь голоса созванныхъ сановниковъ, членовъ государствен-
наго совѣта, и королевичъ былъ сильно взволнованъ. Его при-
ковывала къ одру умирающаго любовь, благодарность и та за-
бота о завтрашнемъ днѣ, которая ложилась всею тяжестью не-
извѣстнаго будущаго на его плечи. Слезы навертывались на
его глазахъ. Корона, которую онъ долженъ былъ возложить на
свою главу, хотя и была золотая, но—черезчуръ тяжелая.

Всѣ удалились въ боковую дверь, драпировку которой
королева велѣла поднять, чтобы слышать малѣйшій шелестъ и,
въ случаѣ нужды, тотчасъ возвратиться.

Королевичъ остался, точно прикованный, въ томъ же поло-
женіи и съ тѣмъ же направленіемъ взгляда на блѣдное лицо
отца, которое пожелтѣло, какъ пергаментный листъ, и, какъ

онъ, было исписано долгою жизнью. Быть можетъ, никогда до этого времени, когда онъ былъ преисполненъ жизненныхъ силъ,—не были на немъ такъ рельефно выписаны и какъ бы вычеканены—мужество, храбрость, разсудительность, спокойствіе и желѣзная сила воли. Только теперь всѣ эти проявленія характера были освѣщены какимъ-то предсмертнымъ блаженствомъ, сіяньемъ послѣдняго дня. Но кто же не видалъ на лицѣ умирающихъ боевыхъ героевъ того выраженія счастья, которымъ украшаетъ ихъ смерть, ведя въ чертогъ вѣчнаго упокоенія? Всѣ слѣды земныхъ страданій сглаживаются нѣжною рукою ангела смерти.

Изъ-за множества бороздокъ, морщинокъ и складочекъ выглядѣло старое лицо короля помолодѣвшимъ и яснымъ. Сынъ смотрѣлъ на него съ благоговѣйнымъ удивленіемъ: онъ никогда не видалъ его такимъ. Еще нѣсколько времени тому назадъ, когда онъ съ жаромъ и увлеченіемъ разговаривалъ съ сановниками и съ сыномъ, его лицо было такое же, какинъ его видѣли въ бояхъ; теперь же смерть украсила его своею величественною серьезностью. Королевичъ вздрогнулъ: это являлось для него предвозвѣстникомъ послѣднихъ минутъ жизни отца. Однако король былъ живъ, его грудь слабо, но легко поднималась и на лицѣ замѣтны были неувольнимые проблески жизни: старикъ еще дышалъ. Вспыхнувшее пламя въ лампѣ, бросивъ яркій свѣтъ на лицо короля, дозволило сыну замѣтить легкое сжиманіе губъ и усиленное дрожаніе вѣкъ, которыя тяжело приподнялись и изъ глубины ихъ засвѣтились блѣднымъ свѣтомъ глаза. Король остановилъ ихъ на сынѣ и губы его дрогнули, точно по нимъ пробѣжала безсильная улыбка. Королевичъ Казиміръ еще ниже наклонился къ отцу. Очевидно, свершалось чудо въ погасающей жизни и голова умирающаго повернулась къ любимому дитяти. Дыханіе въ груди сдѣлалось громче и изъ нея раздался глухой голосъ:

— Казиміръ!

— Я здѣсь!—быстро отвѣтилъ сынъ.

— Точно чрезъ мгу я вижу тебя,—прошепталъ король болѣе явственно.—Воды... овлажнить губы!..—прибавилъ онъ, помолчавъ, дѣлая напрасное усиліе вынуть изъ-подъ одѣяла свою руку.

Королевичъ поспѣшилъ приподнести кубокъ съ подкѣрпляющимъ напиткомъ, стоявшимъ у постели, и приложилъ его къ запекшимся губамъ, вливая влагу въ ротъ по каплямъ.

Уста слегка раскрылись, — на лицѣ проявилась жизнь и глаза какъ будто заблестѣли: Локтикъ усмѣхнулся.

— Ночь?—спросилъ онъ тихо.

— Поздній вечеръ,—отвѣтилъ сынъ.

Король окинулъ взглядомъ комнату, какъ бы убѣждаясь, одни ли они. Минуту царствовало глубокое молчаніе и грудь его усиленно заработала, чтобы собраться съ духомъ произнести слово:

— Корону,—произнесъ онъ, — корону... пусть немедленно возложить на главу твою... пусть мѣромъ помажутъ... Съ ней Богъ посылаетъ силу владычества... А она нужна, чтобы удержать все въ одной десницѣ... всю Польшу, Буявы, Мазовію, Поморье... Никогда не уступай нѣмцамъ Поморья!.. Черезъ него единственный путь въ свѣтъ... Кругомъ враги и безъ него —тюрьма...

Онъ говорилъ это съ большими перерывами и съ отдыхомъ. Королевичъ слушалъ, наклонившись, такъ какъ слова говорились отрывисто и глухо и вырывались какъ будто невольно, вслѣдствіе обуревавшихъ его мыслей: можно было подумать, что онъ говорилъ про себя,—не то съ Богомъ, не то съ королевичемъ—точно онъ мечталъ или молился...

— Мазовія должна быть ленной, послушной тебѣ и находится подъ общимъ закономъ, — продолжалъ онъ: — Гнилая Силезія отѣмчилась и погибла... да, погибла безвозвратно!.. Ей ужъ не воскреснуть... нѣмецкая ржавчина съѣла ее...

Говоря это, онъ закрылъ глаза, которые однако же тотчасъ открылись и уста продолжали шептать такъ тихо, что даже сынъ едва могъ разслышать его слова:

— Съ сестрой своей... съ Венгріей держи вѣчный союзъ... Оба держитесь крѣпко за руки... Держитесь Рима... Авиньона... ибо тамъ глава наша... и сила... Папа спасъ меня много лѣтъ тому назадъ... разрѣшилъ, поддержалъ и двинулъ впередъ... Наше королевство подъ властью Св. Петра и мы обязаны подчиняться его намѣстнику...

Онъ еще что-то произнесъ непонятное и безпокойно зашевелился.

— Ты найдешь себѣ хорошихъ совѣтниковъ... Ясько Мельштинскій честный человѣкъ... Трепка—вѣрный... Земледѣльцы... помѣщики... рыцари... хорошіе защитники да и не они одни... Есть еще убогій людъ... бѣдные крестьяне... это тоже наши родные... Не забывай ихъ!.. Я помню, когда я съ благословенія Всевышняго вернулся изъ своихъ скитаній одинъ, какъ перстъ... когда у меня не было никого... землевладѣльцы не хотѣли знать меня... и, вмѣсто рыцарей, со мной шли крестьяне съ топорами строить новую Польшу... Они шли и рубили... послѣ нихъ пришли и рыцари... а за ними—всякіе бароны и виконты... Холопамъ надо быть благодарнымъ!

Король взглянулъ на сына.

— Помни о холопахъ!

Королевичъ склонилъ голову.

— Будь ихъ оплотомъ, защитникомъ, покровителемъ, справедливымъ судіей и охранителемъ... ибо они охраняли и защищали меня...

Голосъ его все слабѣлъ и дѣлался тише, такъ что его трудно было понять, и опять воцарилось минутное молчаніе.

Въ это время изъ боковой двери вышелъ на цыпочкахъ ксендзъ Вацлавъ, прислушиваясь къ разговору. Онъ остановился въ изумленіи, подхвативъ своимъ чуткимъ ухомъ послѣднія слова, протянулъ руку къ кубку съ питьемъ и приложилъ къ губамъ короля. Больной однако же тотчасъ почувствовалъ присутствіе посторонняго лица, умолкъ, сжалъ губы, но проглотилъ съ удовольствіемъ поданный ему напитокъ.

Медикъ постоялъ минуту и, понявъ, что отецъ желаетъ остаться наединѣ съ сыномъ, тихо удалился.

Полуоткрытые глаза короля слѣдили за его движеніями и не открылись дотолѣ, пока онъ не исчезъ.

— Съ крестоносцами не заключай союза,—произнесъ онъ, по уходѣ медика:—а противъ нихъ—со всѣми... хоть бы съ язычниками...

Онъ говорилъ это невнятно и голосъ его дрожалъ.

— О! съ ними никогда не можетъ быть примиренія!.. Это черные вороны... шакалы, вѣчные враги.. Ихъ надо прогнать съ Поморья... иначе они твою корону, раньше или позже, раз-

рушать и уничтожать... Нѣтъ! съ ними никогда не можетъ быть мира... Если брататься, то ужъ лучше съ язычниками... Литвъ протянуть руку... Русь прихватить... Союзные венгры — наши... Чеховъ можно купить за деньги... отдай имъ послѣднюю рубашку... церковныя чаши изъ сокровищницъ... все... только бы имѣть союзъ съ ними противъ крестоносцевъ... всѣхъ противъ нихъ... Ластиться около бранденбуржцевъ... умиротворить силезцевъ... но отбить поморцевъ... иначе нельзя будетъ дышать... Они запрутъ намъ дорогу въ свѣтъ и задушатъ...

Король отдохнулъ немного и потомъ прибавилъ:

— Правда, прольется много крови... рѣками потечетъ... какъ подъ Пловцами...

Морицинки на лицѣ короля разгладились и оно какъ будто прояснилось на минуту побѣднымъ свѣтомъ.

— Пловцы! — повторилъ онъ. — Другіе Пловцы не скоро наступятъ; но я вижу ихъ, вижу... Цѣлыя кучи ихъ знаменъ валяются на землѣ и такія-же груды ихъ труповъ въ крови...

Королевичъ Казиміръ еще ниже наклонился къ отцовскимъ губамъ, чтобы лучше слышать его шепотъ. Сердце его радостно дрогнуло при этомъ предсказаніи.

Локтикъ грустно улыбнулся.

— Но не ты ихъ усмиришь, — прибавилъ онъ: — не тебѣ суждено... Ты долженъ искать побѣдъ въ другомъ мѣстѣ.

— Ахъ, отецъ мой! — отозвался королевичъ, когда старикъ умолялъ на минуту: — у меня нѣтъ ни твоего меча, ни твоей сильной руки...

— Господь дастъ тебѣ все, когда явится нужда... Не мечъ побѣждаетъ и не мощная рука, а воля и покровительство Всевышняго, и все исполнится, какъ Онъ предопредѣлитъ... Ты только долженъ склеивать и спаивать то, что распаивалось и разваливалось вѣками, и все связывать желѣзнымъ обручемъ... объединять любовью и закономъ...

Послѣднія слова онъ высказалъ съ жаромъ и, усталый, вдругъ прекратилъ разговоръ, увидѣвъ близстоящую королеву съ опущенной головой. Онъ смотрѣлъ на ея печальную фигуру, прощаясь съ нею продолжительнымъ взглядомъ.

Королева постояла минуту и отошла, отпущенная молча-

ніемъ короля, у котораго даръ слова возвратился только для сына.

— Богъ съ тобой!—прибавилъ онъ:—Онъ творилъ для меня чудеса и чрезъ меня, слабаго человѣка, опять создалъ королевство, которое достигнетъ современемъ могущества... Нынѣ эта старая порфира изодрана по краямъ... ее надо чинить, сшивать, отнимать оторванные куски, воевать, стоять на стражѣ, класть заплатки и штопать, пока изъ нея не выйдетъ цѣлый покровъ... Великій Богъ творить все изъ ничего и посредствомъ малыхъ...

Онъ умолкъ на минуту и шопотомъ добавилъ:

— Благословляю!..

Его голосъ началъ замирать и глаза закрылись. Въ этотъ моментъ, среди глухой тишины, послышался сначала тихій шелестъ, а потомъ ясный и отчетливый, но глухой голосъ спорившихъ на порогѣ комнаты людей.

Король открылъ съ безпокойствомъ глаза; королевичъ всталъ: онъ не могъ догадаться кто-могъ осмѣлится нарушить въ послѣднія минуты покой умирающаго государя.

Между тѣмъ споръ одного человѣка явственно отличался отъ другихъ голосовъ, и наконецъ послышались слезные, умоляющіе возгласы:

— Пустите меня, пустите! я самый старшій его слуга!

Локтикъ безпокойно заворочался и сдѣлалъ глазами знакъ сыну, чтобы впустили просящаго.

Но прежде, чѣмъ королевичъ исполнилъ приказаніе отца, дверь быстро раскрылась и въ ней показалась странная фигура: это былъ сгорбленный старецъ, съ длинной, до пояса, рѣденькой бородой и лысой головой, которая блестѣла, и на ней видѣлось множество шрамовъ. Онъ былъ одѣтъ въ монашескую рясу терціаровъ ордена Св. Франциска и не могъ ужъ ходить отъ дряхлости безъ посторонней помощи... Два бѣдно одѣтые отрока вели его подъ руки. Его бѣлое, морщинистое лицо съ покраснѣвшими глазами выражало безпокойство и радость... и онъ держалъ свои руки сложенными, какъ будто подходя къ причастію.

— Король мой и государь! — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ: — пустите меня къ нему и позвольте проститься съ моимъ господиномъ!

— Ярошъ... Ярошъ!..—вырвалось у короля: — поди, поди ко мнѣ, старикъ!

Старецъ зашатался, подходя къ одру, весь дрожа, отъ радости, и, дойдя къ ногамъ короля, зарыдалъ и обнялъ ихъ.

— Господинъ мой и государь!—воскликнулъ онъ:—а меня не хотѣли пустить къ отцу моему!.. Мы дѣтymi бѣгали и играли вмѣстѣ... я съ нимъ былъ и въ бояхъ, и въ скитальчествѣ, и въ Римѣ, и въ пещерахъ, и на побоищахъ, и въ неволѣ... вездѣ былъ съ нимъ!

У короля задрожали руки, которыхъ онъ не могъ вынуть изъ-подъ одѣяла, а только зашевелилъ ими.

— Ты уходишь!—продолжалъ съ воплемъ Ярошъ, опустившись на колѣни въ ногахъ:—возьми же и меня съ собою, ибо жизнь тяготитъ меня... Я ужъ покаялся въ своихъ грѣхахъ, глаза угасаютъ и руки бездѣйствуютъ... Возьми меня съ собою, какъ бралъ въ былыя времена...

Всѣ вошли изъ другой комнаты и ксендзъ Вацлавъ хотѣлъ удалить стараго слугу, но король сдѣлалъ знакъ оставить его въ покоѣ и онъ остался на мѣстѣ.

— Если Господь милосердный призываетъ тебя, государь мой, къ своему престолу,—продолжалъ старецъ,—то, быть можетъ, ты снизойдешь къ просьбѣ твоего слуги и прихватишь его съ собою. Я буду лежать у ногъ твоихъ, какъ лежалъ въ лѣсахъ, когда мы были одни—бѣдные, голодные, холодные и преслѣдуемые врагами...

Лице короля оживилось на минуту при этомъ воспоминаніи, и хотя онъ не говорилъ, но видно было, что онъ глубоко тронутъ. Между тѣмъ Ярошъ, отдохнувъ немного, продолжалъ:

— Господинъ мой и государь!.. а меня не хотѣли пустить къ тебѣ... Но я долженъ быть здѣсь въ моментъ твоей кончины, ибо и въ жизни былъ твоимъ вѣрнымъ другомъ и товарищемъ!..

Рыданіе прервало его голосъ.

— Мы не убоимся смерти,—прибавилъ онъ болѣе спокойно,—ибо неоднократно видѣли ее!.. Пора и на покой!

— Отецъ Гелій!—отозвался король, когда Ярошъ кончилъ и замолчалъ.

Монахъ, очевидно надѣявшійся, что его позовутъ и сто-

явшій вблизи, подошелъ къ самой постели и приподнялъ крестъ, который держалъ въ рукѣ. Королевичъ отодвинулся немного въ сторону; Ярошъ тихо молился.

Въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина, среди которой раздался торжественный голосъ духовника, произносившаго молитву. Это была та молитва, которою живые люди провожаютъ умирающихъ въ лучшій міръ. Дыханіе короля сдѣлалось внезапно оживленнымъ, но тяжелымъ; въ груди ясно послышалось хрипѣніе и на лбу выступилъ потъ. Смерть, которая, казалось, временно удалилась, опять возвратилась за своей жертвой. Каноникъ-медикъ Вацлавъ, стоявшій съ другой стороны постели, сдѣлалъ знакъ жестомъ и взглядомъ, что ужъ настала рѣшительная минута. Голова короля все глубже западала въ подушки и наклонилась подбородкомъ къ груди. Какое-то усиліе заставляло двигаться все тѣло, которое то приподнималось, то опускалось въ перину. Королева встала на колѣни подлѣ Яроша; голосъ монаха все громче и явственнѣе раздавался въ залѣ, чтобы его еще могло слышать глухнущее ухо короля; ожидающіе въ сосѣдней комнатѣ, услышавъ торжественно-печальныя слова молитвы, появились на порогѣ. Все это были серьезные люди, въ черныхъ одеждахъ, съ грустными, задумчивыми и опечаленными лицами; глаза ихъ какъ будто искали то короля, утонувшаго въ мягкой постели, то королевича, который стоялъ неподвижно съ наклоненной головой. Всѣ съ безпокойствомъ шептались между собою. Ярошъ, нагнувшись къ землѣ и опустивъ голову на грудь, казалось, въ безсиліи своемъ, кончался одновременно съ своимъ государемъ. Священникъ, съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ, кончалъ послѣднія слова молитвы. Всѣ стали на колѣни; королева опустила свое заплаканное лицо на постель и рыдала. Лицо короля еще разъ какъ будто приподнялось, вѣки открыли помутившіеся глаза и онъ глубоко вздохнулъ. Вздохъ этотъ отозвался въ груди Яроша, котораго ужъ не могли удержать сопровождавшіе его нахошки, и онъ упалъ на землю.

Легкій глухой брикъ вырвался изъ груди королевы.

На слѣдующее утро король лежалъ въ той же залѣ на широкомъ катафалкѣ, облаченный въ свои царственные доспѣхи, въ шлемѣ съ короной, съ вѣрнымъ ему мечемъ сбоку, со свисткомъ въ рукѣ, въ остроконечныхъ сапогахъ съ золочеными шпорами и съ сіяющимъ лицомъ, какимъ его застала неумолимая смерть. Усопшаго окружали посѣдѣвшіе товарищи по оружію, прежніе и новѣйшіе; самый же старшій изъ нихъ, слуга Ярошъ, былъ ужъ положенъ въ часовнѣ Францисканцевъ, въ терціарской рясѣ, въ ожиданіи погребенія. Рыцари смотрѣли на вытянутаго смертью маленькаго человѣка, желѣзный мечъ котораго, лежавшій теперь неподвижно подлѣ него, далъ ему королевство. Они смотрѣли и молчали.

Всѣ дворы занималъ народъ. На лицахъ всѣхъ выражалась глубокая печаль. Въ сѣняхъ между столбами у входа стояли на мартовскомъ сквознякѣ неподвижные, какъ изваянія, Юрій Тренка, неразлучный товарищъ королевича за послѣдніе годы; серьезный Ясько Мельштинскій, назначенный королемъ въ члены совѣта, Николай Вѣржинокъ, любимецъ покойнаго короля и королевича, краковскій совѣтникъ и вѣрный ихъ слуга, Коханъ Рава, повѣренный Казимира и придворный, и, наконецъ, Суховильскъ, священникъ и родственникъ архіепископа. Коханъ Рава, несмотря на то, что онъ стоялъ ближе всѣхъ къ королевичу и долженъ былъ радоваться, что его возлюбленный государь долженъ былъ возложить на себя царственный вѣнецъ, стоялъ однако же очень печальный и грустный. Это былъ молодой, сильный и красивый мужчина, ровестникъ королевича Казимира, съ умнымъ, но безстрастнымъ и далеко не надменнымъ лицомъ. Въ его быстрыхъ глазахъ легко было прочесть, что онъ лучшій исполнитель, чѣмъ совѣтникъ. Его бѣлый лобъ хмурился отъ тяжелыхъ думъ. Упершись одной рукою въ бокъ, а въ то же время сжимая рукоятъ меча, онъ теръ другой рукою лобъ и дергалъ то бороду, то усы. Къ нему подошелъ серьезный рыцарь Тренка.

— Не пойдете ли посмотреть, что дѣлается съ молодымъ государемъ?—спросилъ онъ.

— Я ужъ былъ у него, — коротко отвѣтилъ Рава. — Ему пора отдохнуть и онъ остался одинъ... Старая королева молится, а молодая мечется въ безпокойствѣ, и я заперъ его отъ

нея... Онъ долженъ подкрѣпить свои силы, потому что теперь онѣ ему нужны.

Къ нимъ подошелъ Вѣржинокъ.

— Потеряли мы отца! — простоналъ онъ со слезами на глазахъ.

Всѣ долго молчали.

— Кто не пожалѣетъ такого государя!—подходя къ рыцарямъ, спокойно произнесъ ксендзъ Суховилькъ, лицо котораго возбуждало невольное уваженіе.—Это невознаградимая потеря; но всемилосердый Господь оставилъ намъ достойнаго наслѣдника, который кончитъ то, что было начато его отцомъ... Поэтому, не слѣдуетъ особенно печалиться: утомленному старику пора уже было получить заслуженную имъ награду и покой... Кто же изъ королей такъ долго, усердно и неутомимо трудился въ пользу своего народа? Только старики помнятъ начало его дѣятельности, а мы знаемъ о нихъ по ихъ рассказамъ... Онъ создалъ изъ ничего королевство и возстановилъ корону, разбитую и разорванную на клочки... Вы только подумайте, съ какими силами ему не приходилось бороться!.. Съ количествомъ, съ преимуществомъ, съ золотомъ, съ вражескимъ озлобленіемъ и даже съ своими союзниками, въ то время, когда у него ничего не было, кромѣ царственной доброты и милости! Чрезъ него Господь творилъ чудеса!..

— Да, — подтвердилъ Ясько изъ Мельштина, качая головой: — тѣмъ труднѣйшее онъ оставилъ дѣло королевичу, ибо оно доведено только до половины, въ особенности, когда каждый помнить о томъ, сколько онъ сдѣлалъ и сколько еще долженъ исполнить его сынъ... Поэтому не удивительно, что королевичъ такъ убивается по отцѣ... Велико и тяжело его бремя, а потому и не мудрено, что онъ гнется подъ нимъ.

— У каждого есть свои заботы, — замѣтилъ отецъ Суховилькъ.—Несмотря на тяжелыя обстоятельства, Господь посылаетъ помощь въ тяжелыя минуты.

Всѣ съ грустью посмотрѣли другъ на друга.

— Всѣ мы обязаны служить молодому государю съ тою же любовью, съ какою служили старику,—прибавилъ онъ.

Рыцари утвердительно кивнули головой. Рава равнодушно посмотрѣлъ на нихъ.

— А мнѣ такъ жалъ молодого государя,—сказалъ онъ съ азартомъ,—очень жалъ! Кончились для насъ дни свободы и веселья!.. Теперь вы запряжете его въ тотъ плугъ, изъ ярма котораго нельзя будетъ освободиться ни на одинъ часъ! Да! теперь у него не будетъ ни дня, ни ночи покоя и ему некогда будетъ вздохнуть... Даже во снѣ забота заглянетъ въ глаза... Да, бѣдный мой государь! Пріятно надѣть корону, но, къ несчастью, она жметъ не одну голову, а всего человѣка, и ее нельзя снять ни на одну минуту... Во время войны онъ долженъ быть солдатомъ; въ мирное время—хозяиномъ; ночью—сторожемъ... Охъ, доля, доля наша! Хотя онъ и будетъ называться королемъ, а, въ сущности, останется невольникомъ.

Ясько Мельштинскій утвердительно кивнулъ головой.

— Да,—сказалъ онъ,—но королевство, это — святое дѣло. Устами короля говорить самъ Господь, и чтобы удостоиться этого, нужно быть цѣломудренно чистымъ и великимъ.

Коханъ Рава покрутилъ усы и покосился на говорившаго.

— И, кромѣ того,—сказалъ онъ,—отрѣчься отъ всего человѣческаго... Да, жалъ мнѣ моего государя!

Всѣ посмотрѣли на него въ молчаніи, между тѣмъ онъ медленно двинулся къ дверямъ, ведущимъ въ комнаты королевича, а всѣ остальные остались въ сѣняхъ.

— Мнѣ кажется,—отозвался о. Суховилькъ, смотря вслѣдъ уходившему,—что Равѣ не столько жалъ королевича, сколько самого себя. Онъ боится потерять его милости и лишиться доступа къ нему. Собственно говоря, небольшая была бы потеря въ немъ для молодого государя, хотя онъ вѣрно служить ему: онъ горячій и увлекающійся человѣкъ, а государь—молодой... а вѣдь сами знаете: опасно подливать масла въ огонь.

Ясько Мельштинскій посмотрѣлъ на говорящаго, но промолчалъ; остальные не поддакивали, но и не противорѣчали. Вѣржинокъ, отойдя немного въ сторону, призадумался.

Въ это время начали подходить старшины и погребальный звонъ раздался во всѣхъ церквяхъ... Народъ двинулся на Вавельскій холмъ...

I.

Маргарита.

На дворѣ краковского замка отдыхали на скамейкѣ у стѣны двое молодыхъ людей. По ихъ изящнымъ костюмамъ, развязности, смѣлости, свободѣ движеній, звонкимъ голосамъ и горделивымъ лицамъ, присущимъ тѣмъ людямъ, которые находятся въ милости у своего господина, легко было догадаться, что они чувствовали себя здѣсь какъ дома и принадлежали къ числу придворныхъ, а можетъ быть даже стояли близко къ особѣ короля. Весеннее солнце, ярко свѣтившее въ этомъ уголкѣ, достаточно пригрѣвало ихъ, и они были защищены отъ холоднаго вѣтра, который, какъ весенній, былъ далеко не теплый. Одинъ изъ этихъ придворныхъ свободно растянулся на каменной скамейкѣ, положилъ руки подъ голову и, приподнявъ ноги, слѣдилъ за бѣлыми облаками, которыя медленно двигались по небу. Отъ времени до времени онъ покручивалъ усы и поглаживалъ расчесанную бороду, которая ниспадала русыми курчавообразными завитками на грудь. Обладая красивымъ лицомъ съ выразительными чертами, подвижными бровями и странно искривляющимися губами, вся его физіономія имѣла видъ волнующейся воды; она то вздувалась, то дѣлалась гладкой, какъ водяная поверхность. Должно быть, въ немъ бушевала кровь, не дававшая ему покоя, и онъ то стучалъ протянутыми ногами, то раздражался смѣхомъ, то вскакивалъ; то опять ложился и ворочался съ боку на бокъ. Второй сидѣлъ въ концѣ скамейки и, положивъ ногу на ногу, оперся плечами о стѣну и какъ бы отдыхалъ. Хотя и онъ выглядѣлъ вполне по-барски, но былъ, очевидно, болѣе спокойный, хорошо сложенный, сильный, крѣпкій, смѣлый и гордый. Онъ свысока поглядывалъ на своего товарища, какъ на капризнаго ребенка, и, казалось, нисколько не интересовался проявленіемъ его остроумія и смысленности. Оба были одѣты въ костюмы, принятые носить въ то время во всей Европѣ при царскихъ, королевскихъ и княжескихъ дворахъ; ноги были обуты въ остроконечные съ загнутыми вверхъ

посками ботинки; цвѣтные штаны и рукава куртки плотно прилегали къ тѣлу; на обоихъ были красивые пояса; на плечи были наброшены маленькія венгерскія куртки съ длинными разрѣзными рукавами, которые придавали всему костюму художественный видъ. У поясовъ висѣли маленькія сумки, украшенныя вбитыми въ нихъ серебряными гвоздями, и небольшіе мечи, дополнявшіе ихъ уборы. Лежавшій на скамейкѣ былъ одѣтъ значительно наряднѣе, съ большею старательностью и изяществомъ; очевидно, онъ заботился о красотѣ и великолѣпіи своего костюма, какъ человѣкъ, стремящійся щегольнуть не только своей личной красотой, но и цвѣтомъ дорогихъ тканей. Его волосы, падавшіе локонами на плечи, были старательно причесаны и даже намажены ради блеска. Какъ ножны его меча, такъ равно сумка и носки обуви блестѣли серебряными и золотыми украшеніями. Его можно было назвать молодымъ человѣкомъ, но отнюдь не юношей. Свѣжее, красивое лицо носило слѣды не особенно оберегаемаго здоровья и жизни. Ему навѣрное было за тридцать лѣтъ, но онъ хотѣлъ казаться моложе. Его товарищъ, почти такого же возраста, былъ какъ бы нарочно сложенъ для тяжелаго вооруженія, силенъ и широкоплечъ, но не настолько красивъ, какъ первый, о чемъ онъ, казалось, и не заботился, хорошъ ли онъ собою, или нѣтъ. Его щеки дышали здоровьемъ и сѣрые глаза смѣло смотрѣли впередъ; только губы, вмѣсто предупредительной слащавости, доказывали горделивость самоувѣреннаго человѣка. Его костюмъ былъ такого же покроя, только изъ болѣе дешевой ткани, безукоризненно чистъ, сидѣлъ хорошо, но не отличался никакими блестками. При томъ въ его лицѣ было много мужественнаго спокойствія и серьезности.

Въ замкѣ было тихо, такъ какъ король уѣхалъ съ небольшою свитой на охоту; вблизи нихъ никто не вертѣлся и они могли разговаривать не стѣсняясь. Благодаря этому, они не сдерживали себя, и когда лежавшій смѣялся, а сидѣвшій — громко отвѣчалъ на его смѣхъ, то голоса ихъ раздавались по всему двору, окруженному каменной стѣной. Нарядно одѣтый былъ извѣстный намъ любимецъ короля Боханъ Рава, а другой — Добеславъ Бончъ, называемый въ просторѣчій Добкомъ. Оба занимали одинаковое положеніе при дворѣ, а Добекъ, кроиъ

того, занималъ мѣсто стряпчего и судьи, рѣшавшаго всякіе споры между дворянами. Но оба они не были совѣтниками короля въ важныхъ дѣлахъ; для этого у Казимира были другіе, болѣе обстоятельные люди; но во время отдыха, при застольной бесѣдѣ, на охотахъ, въ веселыхъ прогулкахъ и разговорахъ онъ не брезговалъ ихъ совѣтами и охотно пользовался ихъ мелкими услугами. Рава самъ былъ убѣжденъ да и другіе заключали изъ обхожденія съ нимъ короля, что онъ былъ ему милѣе другихъ. Король часто довѣрялъ ему такіа дѣла, о которыхъ съ другими не разговаривалъ, будучи увѣреннымъ, что онъ не выдастъ его. Они съ дѣтства воспитались вмѣстѣ; Боханъ былъ неизмѣннымъ товарищемъ его игръ и забавъ и его не разъ наказывали изъ-за королевича. Никто, кромѣ Равы, не угадывалъ вѣрнѣе и лучше мыслей короля и не могъ такъ умѣло приноравливаться къ его желаніямъ: онъ зналъ короля насквозь, какъ онъ самъ говорилъ о томъ, и этимъ очень гордился. Это давало ему возможность считаться фаворитомъ короля, и часто даже опытные и серьезные лица изъ государственныхъ совѣтниковъ обращались къ нему за совѣтомъ.

Добеславъ тоже былъ въ милости у короля, который полагался на него и съ удовольствіемъ пользовался его услугами; но, будучи проницательнымъ, онъ чувствовалъ, что Бончъ не былъ на все способенъ, не хотѣлъ льстить да и не имѣлъ на то способности. Самоотверженность обоихъ была равная: горячая любовь, но характеры разные.

— Слушай, Добекъ!—говорилъ Коханъ, смѣясь и ваяясь на лавкѣ,—я часто думаю, что бы сказалъ покойный король, вставъ изъ своей каменной усыпальницы и взглянувъ, какъ все измѣнилось за восемь лѣтъ послѣ его смерти?.. Ни замка, ни двора не узнать... да и въ другихъ земляхъ все иначе... Отъ войны мы все какъ-то свободно отдѣлываемся и люди по крайней мѣрѣ спокойно отдыхаютъ... Съ крестоносцами, которые не давали намъ покоя, теперь все еще перемиріе и перемиріе... Въ концѣ концовъ, мы заставимъ ихъ, не вынимая меча, сидѣть смиренно и тихо, пока...

Рава значительно кашлянулъ; Добекъ посмотрѣлъ на него свысока.

— Хе-хе!—отозвался послѣдній.—Что ты или я можемъ

понимать въ томъ, какъ король устраивается и ладить съ крестоносцами!.. Да это и не наше дѣло! Можетъ быть, кастелянъ краковскій, ксендзъ Суховильскъ, воевода и епископъ знаютъ что-нибудь, но передъ нами король не станетъ открывать своихъ мыслей и совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было изъ насъ.

— Да я и не нуждаюсь, чтобы мнѣ говорили о томъ, что я самъ понимаю или легко могу догадаться! — разсмѣялся Рава. — Развѣ у меня нѣтъ своего ума?

Бончъ съ недовѣріемъ пожалъ плечами.

— Не наше дѣло разсуждать, — повторилъ онъ. — Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что у насъ многое измѣнилось. При покойномъ государѣ было все просто, а молодой любить, чтобы у него все сіяло и блестяло, и чтобы въ Краковѣ все выглядѣло не хуже, чѣмъ въ Будѣ или въ Прагѣ...

— Да такъ оно у насъ и должно быть! — воскликнулъ Рава съ большимъ экстазомъ. — Нашъ государь не постыдится любого царя и не позволить никому превзойти себя роскошью, блескомъ и богатствомъ. Ему мало королевской короны и такого другого государя не найти во всемъ свѣтѣ!.. Чего ему не достаетъ? Онъ красивъ, какъ картинка, имѣетъ быстрый, проницательный умъ, золотое сердце, рыцарскую выправку и осанку, словомъ, все, что надо.

— Только одного счастья не достаетъ! — пробурчалъ, нахмурясь, Добекъ.

Коханъ тоже свелъ брови, но ничего не отвѣтилъ.

— Ну, — отозвался онъ, послѣ продолжительнаго молчанія, — онъ еще молодъ. Все еще успѣетъ получить, только бы было желаніе. Что значить для мужчины какія-нибудь тридцать лѣтъ? Передъ нимъ вся жизнь и свѣтъ... Развѣ ужъ Богъ не окажетъ ему своей милости, а то вѣдь онъ можетъ всего еще достигнуть... Я отлично знаю его... Въ немъ, какъ въ рудникѣ: чѣмъ глубже, тѣмъ больше драгоценностей.

— Дай Богъ ему всего хорошаго! — вздохнулъ Бончъ. — Кто же ему можетъ не пожелать добра?.. Ему, который самаго бѣднаго челоуѣка, нищаго крестьянина приголубливаетъ, ласкаетъ и любитъ, какъ родного ребенка?.. У него для каждаго есть наготовѣ доброе слово и радушное сердце.

Оба помолчали нѣкоторое время. Добекъ протянулъ свои сильныя большія руки, какъ будто ему надоѣло бездѣлье. Рава повертѣлся на каменной скамейкѣ, вскочилъ и сѣлъ, стараясь принять болѣе удобное положеніе, и посмотрѣлъ на Добку.

— Ему необходимо жениться!—прошепталъ онъ.

— Миѣ кажется, что онъ и самъ думаетъ о томъ,—прибавилъ Бончъ.

— Жениться то онъ можетъ всегда,—замѣтилъ Рава, —потому что на свѣтѣ не мало хорошенькихъ женщинъ; но ему нуженъ сынъ... Онъ хочетъ непременно имѣть наследника мужского пола... Это его единственная забота... Онъ боится, чтобы престолъ и корона не перешли къ женщинѣ или къ мазурамъ... или вообще въ какія-нибудь чужія руки... Да, ему необходимо обзавестись сыномъ... а тутъ...

Коханъ призадумался.

— Знаешь, что ему предсказала баба колдунья?—спросилъ онъ, поварачиваясь къ Добку.

— Ничего не знаю, — отвѣтилъ послѣдній, отрицательно покачавъ головою.

— Ну, значить, ты не интересуешься о томъ, что уже всѣ знаютъ. Ну, а я такъ долженъ всѣмъ интересоваться, всѣмъ, что касается моего государя: каждая его болячка болить и во миѣ... О, если-бъ не та Клара, тѣнь которой ходитъ за нимъ, то онъ навѣрное былъ бы счастливъ!.. Да и это глупое предсказаніе не столько бы беспокоило его... Часто онъ даже говорить о немъ во снѣ... А сохрани Богъ, если кто-либо изъ венгровъ подвернется ему на глаза, то онъ дѣлается словно подрѣзанный колосъ...

Добекъ равнодушно слушалъ Рава и смотрѣлъ на пару голубей, кружившихся въ выси.

— Изъ всей этой венгерской исторіи я почти ничего не знаю, — отвѣтилъ онъ, — а если и знаю, то чрезъ пятое въ десятое, потому что тогда еще не былъ при дворѣ и леталъ на лошади по отцовскимъ лѣсамъ. Люди говорятъ о ней чрезвычайно разнорѣчиво; но вѣдь ты былъ тогда при немъ?

— Какъ же! гдѣ только я не былъ съ нимъ? Будучи въ Пыздрахъ, крестоносцы чуть не схватили меня... Былъ я и въ

то время, когда онъ женился на язычницѣ, ѣздилъ и въ Венгрію... словомъ, я ѣздилъ съ нимъ вездѣ. Съ того дня, когда онъ побывалъ въ Вышгородѣ, онъ сдѣлался какъ будто совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Прежде онъ былъ всегда веселъ, любилъ пожить, посмѣяться и побесѣдовать... Правда, онъ и теперь не отказывается отъ этого, но рѣдко... только когда забудется. Онъ быстро состарился и присмирѣлъ... Только такой человѣкъ, какъ я, который видитъ его наединѣ съ своими мыслями, можетъ понять, какъ онъ страдаетъ. Кажется, у него ни въ чемъ нѣтъ недостатка, а между тѣмъ на его душѣ лежитъ какая-то тяжесть, которая, точно камень, прижимаетъ его.

— Много заботъ!—возразилъ Бончъ.—Но, со временемъ, онъ все забудетъ, хоть бы теперь что и беспокоило его.

— Разумѣется! но для этого нужно, чтобы какая-либо лучшая судьба изгладила всѣ его печальныя воспоминанія, а тутъ, какъ на зло, мы нигдѣ не можемъ встрѣтиться съ счастьемъ... Въ настоящее время, какъ будто замѣтенъ въ немъ какой-то проблескъ, которому, однако же, не хочется вѣрить.

Добеславъ неохотно слушалъ рассказы Равы, какъ будто не желая разсуждать объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ, Коханъ, не имѣя съ кѣмъ поговорить и кому довѣриться, охотно исповѣдывался своему пріятелю и высказывалъ ему все, что тяготило его душу.

— Сначала ему не везло въ домашней жизни, — продолжалъ онъ, — и я на все это смотрѣлъ и видѣлъ. Его женили на литвинкѣ не для него самого, а для того, что старому королю нужно было завязать съ Литвою союзъ, а послѣдней нуженъ былъ онъ противъ крестоносцевъ... Отъ этого брака мы получили только ту пользу, что литвинка принесла намъ въ приданое польскихъ пѣнныхъ, которыхъ потомъ мы поразселили на пустошахъ послѣ татаръ, да кромѣ того — ужъ не знаю сколько — соболей и кунницъ на шубы... Я лично ничего не могу сказать или пожаловаться на покойную государыню: она была добра и красива... точно птичка, а не женщина; но какъ только ее увезли изъ лѣсовъ и посадили въ клетку, то она стала тревожиться, трепетать и биться, именно, какъ птичка... Королевича тянуло въ одну сторону, а ее — въ другую. Коро-

левиць стремился въ свѣтъ широкій, къ такимъ дворамъ, какъ французскій, итальянскій или венгерскій, а Ганну всегда тянуло въ лѣсъ! Она была проста, какъ крестьянка, смѣялась при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не обращая вниманія на людей, и говорила, что вздумается, не соблюдая приличій, придворнаго этикета и установленныхъ обычаевъ... Духовенство гнуло и ломало ей руки, пока научило ее перекреститься. Можетъ быть король и полюбилъ бы ее, если-бъ былъ въ состояннн снизить до степени ея одичалости; но онъ не могъ... Бъ тому же, хотя бы она подарила ему сына, а то, вдругъ—дочь!..

Добекъ, точно нехотя, прервалъ его:

— Ужъ если у тебя есть охота говорить, — сказалъ онъ, — то лучше Расскажи мнѣ венгерскую исторію, потому что я плохо знаю ее.

— Вспоминать несчастное прошлое, — отвѣтилъ, подумавъ, Коханъ, — это все равно, что бередить заживающія раны. Но если ужъ началъ, то, пожалуй, расскажу до конца. Вѣдь я былъ тамъ съ нимъ... Мы ѣздили тогда по приказанію стараго короля въ Вышгородъ, къ Караберту и къ нашей королевнѣ Елисаветѣ, его женѣ. Ты не бывалъ у французовъ? Такого двора, какъ у этихъ государей, пожалуй, не встрѣтишь во всемъ свѣтѣ... и, послѣ нашего, онъ казался намъ раемъ... Вездѣ видны красота и богатство, веселье, пѣнье, музыка... все это стройно, роскошно, блестяще... А обычаи, въ особенности французскіе и итальянскіе?.. Фигляры, пѣвцы, фокусники и ремесленники со всего свѣта... У всѣхъ платье изъ ковальной парчи, а епанчи изъ чистаго шелка... Въ праздники, при торжественныхъ выходахъ королевской четы, не могло быть лучше, какъ говорили, даже на царскомъ дворѣ. Здѣсь слышались разные разговорные языки, начиная отъ мадьярскаго, изъ котораго я не могъ понять ни одного слова, и кончая французскимъ, итальянскимъ, нѣмецкимъ и латинскимъ... А такъ какъ сестра нашего государя очень любитъ музыку, танцы, турниры и разныя забавы, то было на что посмотреть, чѣмъ потѣшиться и позабавиться весь день... Королева Елисавета, любя очень своего брата, устраивала такъ много забавъ, что некогда было отдохнуть: всякія охоты, турниры, балы, танцы, пѣніе и разныя

игры шли безпрерывно одни за другими. Придворныя женщины, итальянки и венгерки, такъ и прыгали въ глазахъ, и всѣ онѣ красивы, какъ ангелы, а молодыя дѣвушки положительно ошпаривали, точно кипяткомъ, при одномъ ихъ взглядѣ: казалось, что вся кровь въ этихъ язычицахъ такъ вотъ и кипѣла ключомъ... Глядя на нихъ, мурашки пробѣгали по тѣлу!.. А если которая изъ нихъ шла танцевать, такъ летала, какъ перышко... Такъ мы пропировали и прозабавились больше недѣли, точно въ раю! Между всѣми дѣвушками, находившимися при королевѣ, была красивѣе всѣхъ Клара, дочь Каробертовскаго управляющаго, Фелиціана Амадея. О немъ говорили, что онъ вышелъ въ люди изъ ничтожнаго состоянія, служилъ сначала при дворѣ Мацки изъ Тренчина Седмиградскаго, а затѣмъ перешелъ къ Кароберту. Клара была настоящей королевной, съ лицомъ бѣлымъ, какъ молоко, съ черными глазами и волосами, великолѣпно сложенная, гордая и величественная, что еще больше придавало ей красоты. Зато ея отецъ выглядѣлъ точно разбойникъ-бродяга. Онъ былъ гигантскаго роста, неуклюжій и съ какими-то дьявольскими глазами, которыми приводилъ всѣхъ въ трепеть, а если онъ говорилъ, то у слушавшаго его душа уходила въ пятки. Въ немъ было что-то такое дикое, что дѣлало его похожимъ на звѣря, и онъ былъ настолько гордъ, что едва кланялся королю, несмотря на всю свою простоту. Встрѣтиться съ нимъ на большой дорогѣ, даже самому сильному и храброму человѣку, было не совсѣмъ безопасно. Но король любилъ этого медвѣдя, потому что онъ держалъ въ порядкѣ весь его дворъ. Я сейчасъ замѣтилъ, что Клара, танцуя съ королевичемъ, понравилась ему, и, однажды вечеромъ, когда мы ушли въ наше помѣщеніе на отдыхъ, заговорилъ о ней. Королевичъ только разсмѣялся, а на слѣдующій день самъ завелъ рѣчь о ней и произнесъ:

— Не правда ли: лакомый кусочекъ?

Мнѣ ужасно не нравился ея отецъ съ косыми глазами, и я просто отвѣтилъ:

— Вы только посмотрите на ея старика и тогда у васъ пропадетъ всякая охота къ этой чародѣйкѣ.

Королевичъ опять разсмѣялся. Королева Елисавета, несмотря на свое желаніе какъ нельзя лучше принять и угостить своего

брата, замѣтивъ, что онъ равнодушно смотрѣлъ на Клару, начала шутить надъ нимъ. Королевичъ не опровергалъ, что она нравится ему.

— Красивѣе ея я не видалъ въ своей жизни! — отвѣтилъ онъ.

Послѣ этого Клара постоянно танцевала съ нимъ и сидѣла подлѣ него за столомъ. Его нарочно сводили съ нею, чтобы онъ могъ хоть натѣшиться ея взглядами. Потомъ онъ часто говорилъ мнѣ о ней, а только почему-то сѣтовалъ и былъ недоволенъ.

— Точно каменная! — рассказывалъ онъ: — и чѣмъ больше я стараюсь расположить ее къ себѣ, тѣмъ она холоднѣе ко мнѣ. Она не приняла отъ меня никакихъ подарковъ; она все молчитъ, а если и отвѣтитъ на какое-либо слово, то какъ будто ножомъ по сердцу проведетъ...

Черезъ нѣсколько дней королевичъ вдругъ заболѣлъ. Ксендзь-итальянецъ, королевскій медикъ, прописалъ ему лежать сутки или двое, но онъ не хотѣлъ, и только благодаря королевѣ Елисаветѣ, заботившейся о его здоровьи, насильно заставили его не вставать съ постели; а чтобы ему не было скучно, то королева почти постоянно сидѣла при немъ. По вечерамъ же она приходила къ нему съ своими дѣвушками, которыми приказывала играть на цитрахъ и пѣть. Сколько разъ королева ни приходила къ брату, Клара сопровождала ее. Разумѣется, насъ всегда выпроваживали изъ комнаты, заставляя забавляться съ придворными. На третій день этого нездоровья, когда я, возвращаясь уже поздно, подходилъ къ дверямъ комнаты королевича, изъ нея внезапно выбѣжала Клара съ растрепанными волосами, блѣдная и заплаканная. Она, какъ сумасшедшая, промчалась мимо меня и исчезла. Мною овладѣлъ страхъ, но, думая, что королева находится въ комнатѣ своего брата, я остановился у дверей и ждалъ. Въ ожиданіи, когда она уйдетъ, я сѣлъ у дверей, какъ вдругъ услышалъ, что королевичъ зоветъ меня. Я вошелъ и засталъ его лежащимъ въ постели, съ руками, подложенными подъ голову. Онъ былъ хмурень и сердитъ.

— Завтра въ дорогу! — коротко сказалъ онъ, увидѣвъ меня.

Я хотѣлъ заговорить съ нимъ, но онъ приказалъ молчать.

На слѣдующее утро, хотя мы должны были пребыть еще

нѣсколько дней, королевичъ Казиміръ, не смотря на просьбы короля и королевы, поспѣшилъ уѣхать. Зная его характеръ, я ужъ не стремился узнать что-либо отъ него: онъ молчалъ, былъ грустенъ и нетерпѣливъ. Мы уѣхали изъ Вышграда съ большою поспѣшностью, точно намъ было необходимо скорѣе попасть въ Краковъ; между тѣмъ наше путешествіе совершалось, что называется, черепашнымъ шагомъ, съ большими остановками. Это было въ маѣ; весна стояла такая же прекрасная, какъ теперь, и дорога навѣрное не казалась бы намъ такъ скучной, если-бъ королевичъ ѣхалъ въ болѣе веселомъ настроеніи. Наконецъ, мы уже приближались къ границѣ нашихъ владѣній и рассчитывали расположиться на ночлегъ, какъ вдругъ, вечеромъ, я увидѣлъ, что насъ нагоняетъ, какъ сумасшедшій, на трехъ лошадахъ, знакомый мнѣ придворный королевы Елисаветы, молодой Янушъ; но, прежде чѣмъ онъ открылъ ротъ, я уже догадался, что онъ прискакалъ не съ добрыми вѣстями. Королевичъ, увидѣвъ его, весь поблѣднѣлъ и задрожалъ. Янушъ немедленно вошелъ съ нимъ въ палатку и мы только слышали ихъ крики, возгласы и шумъ... Всѣ мы чувствовали, что случилось что-то необыкновенное, но не могли догадаться, въ чемъ дѣло; да и напрасно ломали бы голову, а слуги, которыхъ мы спрашивали, отдѣлывались молчаніемъ. Наконецъ, когда Янушъ вышелъ изъ палатки, мы узнали обо всемъ и вскорѣ ужъ не было ни для кого тайной въ чемъ дѣло. Однако, я и до сегодня не знаю, былъ ли виноватъ королевичъ въ чемъ-либо по отношенію къ Кларѣ, которую королева оставила у постели больного для ухода за нимъ. Одно достоверно, что молодая дѣвушка пожаловалась своему отцу на него и на королеву, и старикъ взбѣсился. Нѣкоторые говорили, что старику только этого и нужно было, чтобы найти предлогъ для отместки королю и королевѣ, противъ которыхъ онъ ужъ давно былъ въ заговорѣ, имѣя въ виду извести всю королевскую семью и самому управлять мадьярами. Такимъ образомъ, во вторникъ, послѣ нашего отъѣзда, когда король Карабертъ вмѣстѣ съ королевой Елисаветой и двумя сыновьями, Людовикомъ и Андреемъ, почти безъ свиты, а только съ семьей, сѣли за столъ обѣдать въ своемъ дворцѣ подъ Вышградомъ, этотъ разбойникъ ворвался внезапно съ своею шайкой въ сто-

ловую и бросился съ мечомъ прямо на короля. Разумѣется, никто не ожидалъ ничего подобнаго. Королева вскочила и, желая защитить собою мужа, схватила правой рукою его мечъ, благодаря чему лишилась четырехъ пальцевъ. У короля тоже оказалась рука искалѣченной. Испуганная челядь растерялась и не скоро взялась за оружіе въ защиту своего государя; и только тогда пришла въ себя, когда злодѣй бросился на королевичей. Янъ изъ Потокена, молодой рыцарь-венгерецъ, выхватилъ свой мечъ изъ ноженъ и ткнулъ имъ разбойника между лопатокъ, такъ что тотъ моментально упалъ на землю. А между тѣмъ сбѣжался весь дворъ и всѣ слуги, которые похватали разбойниковъ, перевязали ихъ и затѣмъ они понесли заслуженную кару: ихъ разорвали, привяза въ къ лошадиныи хвостамъ... Такимъ образомъ погибли: старый отецъ и его дочь Зеба съ своимъ мужемъ Конай, а обстриженную Клару возили по всему королевству на показъ, пока и ее наконецъ не казнили посредствомъ четвертованія... Куски тѣлъ преступниковъ были разосланы по всѣмъ городамъ, а голову Фелиціана прибили въ Будѣ надъ воротами... Словомъ, никого не пощадили, но зато и королева Елисавета осталась безъ пальцевъ, ее зовутъ теперь „безпалой“. Съ того времени она не снимаетъ перчатки съ правой руки, такъ какъ лишилась почти всей ладони...

Разсказчикъ Рава отдохнулъ немного, а затѣмъ продолжалъ:

— Никогда я не видалъ моего государя такимъ, какимъ видѣлъ его въ первые дни по прибытіи Януша: онъ хотѣлъ тотчасъ вернуться въ Вышградъ, къ сестрѣ, но мы уговорили его остаться; а потомъ онъ заболѣлъ и пролежалъ нѣсколько дней на границѣ, не имѣя возможности двинуться въ Краковъ. Онъ не зналъ что дѣлать и приходилъ въ отчаяніе. Я не думаю, чтобы онъ былъ виновенъ; но ему было жаль сестры и погибшей жестокою смертію Клары... Наконецъ, мы ужъ хотѣли двинуться въ Краковъ, какъ однажды утромъ увидѣли кучку венгерцевъ, которые подѣзжали къ намъ. Мы моментально схватились за мечи, думая, что это погоня, и приготовились къ защитѣ; но тотчасъ увидѣли бѣлые платки, которыми они махали намъ, и слышались голоса допустить ихъ къ королевичу. Въ этой группѣ мы узнали одного брата Клары и нѣсколькихъ родственниковъ несчастной дѣвушки, которые стали

на колѣни передъ королевичемъ и начали просить его дать имъ безопасный пріютъ въ Польшѣ, въ виду сильнаго гоненія на нихъ въ Венгріи... Мы взяли ихъ съ собою и съ этого времени они сидятъ у насъ спокойно, а только имъ приказано не показываться королю на глаза...

Добекъ покачалъ головою.

— Я знаю ихъ,—сказалъ онъ:—ихъ зовутъ Амадеями и они имѣютъ на своихъ щитахъ орла съ обрѣзанными крыльями.

— Да, отвѣтилъ Коханъ:—королевичъ выпросилъ для нихъ у отца кусокъ земли и съ тѣхъ поръ они живутъ у насъ, не имѣя права являться ко двору, чтобы не напоминать собою эту кровавую исторію... А если имъ нужно что-нибудь, то они должны обращаться къ кастеляну и просить его; а что они просятъ, то и получаютъ.

Бончъ, выслушавъ терпѣливо разсказъ, опять покачалъ головой и произнесъ:

— Да, печальная исторія, и лучше позабыть о ней.

— Но ты дослушай еще разсказъ о бабѣ-колдунѣ,—сказалъ Коханъ:—теперь уже прошло одиннадцать лѣтъ послѣ того, что я разсказалъ. Спусти нѣсколько лѣтъ, намъ опять пришлось быть въ Венгріи. Память объ Амадеяхъ тамъ уже исчезла. Мы прибыли въ Буду, гдѣ для насъ былъ устроенъ такой же блестящій пріемъ, какъ и въ прошлый разъ, но королевичъ ходилъ среди всѣхъ удовольствій и увеселеній, какъ будто окупнутый въ воду, и королева «безпалаая» напрасно старалась его развлечь. На ней не осталось даже слѣда отъ этой исторіи: она по прежнему была весела и ея фрейлины точно также пѣли, играли, танцевали и веселились, какъ и въ былое время. Мы пробыли тамъ дней десять и, наконецъ, уѣхали домой. На второй день нашего путешествія случилось такъ, что мы не могли попасть на ночлегъ ни въ какую деревню, ни въ корчму. Ночь застала насъ въ лѣсу и мы должны были разбить въ немъ палатки. Люди развели костры и начали жарить мясо и варить кашу, какъ вдругъ въ нашъ обозъ притащилась какая-то старая баба. Слуги хотѣли ее прогнать, но въ это время королевичъ вышелъ изъ палатки и, какъ всегда, сочувствуя бѣднымъ, приказалъ не трогать и не обижать старуху. Кромѣ того, онъ велѣлъ накормить ее и подать

милостыню. Баба уже узнала отъ людей, кто мы такіе, и начала смотрѣть на королевича какими-то страшными глазами. Она вся дрожала и наконецъ прямо подошла къ нему. Мы даже испугались, но онъ стоялъ смѣло и неподвижно. Баба начала что-то плести, указывая то на небо, то на землю, то ударяя себя въ грудь, то плача... Потомъ она попросила руку у королевича, чтобы погадать. Я стоялъ подлѣ него и сказалъ:

— Бога ради, не давайте!.. пусть она лучше не прикасается къ вамъ...

Но онъ не послушалъ и протянулъ ей руку. Баба посмотрѣла на нее, нахмурила брови, дрогнула, заворчала, покачала головой и наконецъ заговорила...

— Что? что она сказала?—съ живостью спросилъ Добекъ.

— Кто ее знаетъ... что-то непонятное; да едва-ли она и сама понимала, что говорила. Понимавшіе ее говорили, что она предсказывала ему королевство въ великомъ государствѣ, что онъ будетъ стоять наравнѣ со всѣми государями въ мірѣ и будетъ равенъ имъ по своей силѣ и могуществу, а потомъ, нахмурившись, прибавила: — „кровь надъ тобою!.. Амаден! Амаден!.. Люди будутъ счастливы при тебѣ, государство процвѣтетъ, враги преклонятся предъ тобою; ты завладѣешь ихъ землями, но самъ не испытаешь того счастья въ жизни, котораго горячо желаешь: Господь не дастъ тебѣ его... Амаден! Амаден!..“

Королевичъ, понявъ кое-что, спросилъ съ безпокойствомъ:

— Какого же счастья я, по-твоему, желаю?

— Потомка мужского рода, котораго тебѣ не дастъ Господь ни отъ одной жены, родъ твой погибнетъ и твоя корона перейдетъ на чужую голову...

Мы хотѣли прогнать ее, чтобы она больше не брюзжала, но она, едва докончивъ свою рѣчь, схватила за голову и, крикнувъ: „Амаден!“ сама убѣжала въ лѣсъ... Она ужъ порядочно отошла, потомъ повернулась и, толкая пальцемъ себѣ въ грудь, еще разъ повторила: „Амаден!“...

Но королевичъ уже былъ въ палаткѣ, не слышалъ и не видалъ ея. Венгры, проходившіе по дорогѣ и приставшіе къ намъ, для безопасности, на ночлегъ, говорили, что она, должно

быть, изъ рода Амадеевъ. Мы думали, что королевичъ легко забудетъ объ этомъ; но это предсказаніе, какъ крѣпкій напитокъ, который пьешь и не чувствуешь, а потомъ сразу развезетъ, — сильно подѣйствовало на него и съ этого времени онъ не можетъ забыть колдуньи.

— Мало-ли что предсказываютъ глупыя бабы, — отозвался Добекъ. — Къ чорту всё предсказанія! Откуда можетъ знать какая-то нищая, что кому Господь предназначить?

— А! говори, что хочешь, — возразилъ Рава, — но всёми извѣстно, что такія нищія бабы, всякія бродяжки и вѣдьмы знаютъ будущее. Откуда онъ все это берутъ и кто даетъ имъ эту силу — Богъ или чортъ, мы не можемъ рѣшить...

— И ты вѣришь этому? — разсмѣялся Бончъ. — Ну, а я такъ — нѣтъ... За что меня станеть наказывать Богъ, если я не виноватъ?

Боханъ Рава промолчалъ.

— Пусть только женится, — прибавилъ Добекъ, помолчавъ. — Говорятъ, что онъ подобралъ себѣ бабенку и по сердцу, и по нраву... Женившись, дастъ Богъ и сыновей, и тогда всё предсказанія сами собой разлетятся.

— Да, — отозвался Рава, — та, которую ему сватаютъ въ Чехіи, пришлась ему по вкусу; но говорятъ также, что она боится его и не хочетъ выйти за него замужъ.

Добекъ возмутился и заволновался.

— Какъ бы тамъ ни было, а онъ достоинъ каждой и можетъ найти себѣ другую... Мало-ли невѣстъ есть на свѣтѣ... Только-бы опять не стали сватать ему нѣмку... Такихъ нѣмцевъ, какъ пресловутый Гансъ фонъ-Ифортенъ, ужъ черезчуръ расплодилось у насъ при дворѣ и во всѣхъ городахъ... А если у насъ будетъ опять нѣмка, то съ нею наплываетъ Богъ знаетъ сколько этой дряни... и тогда хоть бѣги отъ нихъ на другой край свѣта.

Разговаривая такъ, ни Добекъ, ни Рава не замѣтили, какъ къ нимъ подошелъ, прислушиваясь, мужчина немного старше ихъ обоихъ, толстый и большой, съ круглымъ пятнистымъ лицомъ и рыжими волосами. Онъ держалъ себя небрежно и гордо, какъ будто чувствуя свое преимущество надъ тѣми, на которыхъ теперь смотрѣлъ съ какою-то дикою ненавистью. Онъ

вздригнулъ, когда Добекъ произнесъ имя Ганса фонъ-Пфортена, ибо это онъ былъ самъ.

Этотъ нѣмецъ находился ужъ много лѣтъ въ услуженіи короля и завѣдывалъ устройствомъ турнировъ и ристалищъ по западному обычаю. Онъ былъ увѣренъ въ милостяхъ короля, кичился этимъ и былъ гордъ, въ особенности съ Добеславомъ Бончей, вслѣдствіе его нелестныхъ сужденій о придворныхъ, а потому всегда спорилъ съ нимъ. Услышавъ, что Добекъ сказалъ о нѣмцахъ, Гансъ громко кашлянулъ и выругался, назвавъ его дьяволомъ.

Добекъ встрепенулся, взглянулъ на него съ усмѣшкой исподлобья и воскликнулъ:

— Смотри-ка! видно этому швабу мои слова не по вкусу!.. А я тебѣ, проклятый нѣмецъ, еще разъ скажу, чтобы вы всѣ провалились къ тому дьяволу, имя котораго ты сейчасъ произнесъ, или ушли въ свою землю обратно, потому что вы ужъ давно проворяли наши жилища...

Нѣмецъ заворчалъ и положилъ руку на рукоять меча.

— Молчи ты, собачій сынъ! — крикнулъ онъ. — Нѣмцы проворяли! Да вы сами, мальчишки, всемъ заимствуетесь и учитесь отъ нихъ! Что бы у васъ было безъ насъ? И до сихъ поръ вы все еще ходили бы въ звѣриныхъ шкурахъ!

Добекъ, почти не давъ ему докончить, вскочилъ со скамейки и, съ величественною важною, но безъ замѣтнаго волненія, крикнулъ ему повелительно:

— На нашей землѣ разжирѣлъ и нашъ хлѣбъ ѣшь, а потому лучше замолчи, бродяга!

— Не зажмешь мнѣ ротъ, несчастный! — крикнулъ въ свою очередь взволнованный Гансъ и, сдѣлавъ шагъ впередъ, обнажилъ мечъ.

Добекъ стоялъ, не думая взяться за оружіе и только закусилъ губу. Между тѣмъ нѣмецъ выходилъ изъ себя.

— Поди прочь, швабъ, пока цѣлъ! — сказалъ Добекъ, употребляя усиліе сдержаться отъ гнѣва: — прочь! иначе — худо будетъ!

— Тебѣ будетъ худо! — крикнулъ Гансъ, поднимая мечъ, чтобы ударить безоружнаго Добека.

Но послѣдній моментально бросился на него, схватилъ одной рукою за руку, въ которой онъ держалъ мечъ, а другой выр-

валъ оружіе и началъ бить нѣмца, такъ что послѣдній даже не успѣлъ пикнуть, какъ ужъ лежалъ на землѣ и на его плечи сыпались такіе жестокіе удары плашмя, что даже мечъ разсыпался въ куски.

И напрасно придавленный колѣномъ Гаясъ взывалъ о помощи и старался вырваться изъ-подъ него. Но Добекъ, давно ужъ имѣвшій на него зубъ, продолжалъ его тузить, такъ что нѣмецъ ужъ думалъ, что настала его послѣдняя часъ.

— Fried-herr! Fried-herr! — кричалъ онъ благимъ матомъ.

Однако на этотъ крикъ начала сбѣгаться вся дворня: изъ всѣхъ угловъ повынырнули слуги, женщины и дѣти, которые со смѣхомъ повторяли непонятныя для нихъ слова.

— Frydry! Fredro! — дразнили они. — Что это онъ называетъ Добка Фредрой?

Къ счастью побѣжденнаго, Добекъ не былъ жаденъ до крови и оттузивъ, что называется, нѣмца, отпустилъ свою жертву, не думая издѣваться надъ ней.

Бончъ, смѣясь, поднялъ голову и взглянулъ на сбѣжавшихся людей, которые сразу пріутихли, какъ вдругъ увидилъ передъ собою, не болѣе какъ въ трехъ шагахъ, короля, который только что возвратился съ охоты и слѣзъ съ коня. Услышавъ этотъ крикъ, онъ подошелъ ближе и смотрѣлъ съ снисходительной проніей на Добека, который стоялъ передъ нимъ, какъ преступникъ...

Король Казиміръ казался красавцемъ въ эту пору своей жизни. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ величественную осанку, былъ полонъ силъ и здоровья и обладалъ благородными чертами лица, въ которыхъ видѣлась легкая грусть, придававшая ему еще больше прелести и величественности, ибо она сопровождалась царственной добротой.

Король былъ одѣтъ въ охотничій костюмъ съ рогомъ черезъ плечо, въ бархатной шапочкѣ, въ плотно обтянутомъ кафтанѣ, маленькомъ плащѣ и съ небольшимъ мечомъ на боку. Онъ стоялъ, взявшись руками за бока и смотря попеременно то на Добека, то на нѣмца, который поднимался съ земли весь въ пыли. Увидавъ короля, нѣмецъ обратился къ нему съ жалобой.

— Кто началъ первый и изъ-за чего произошла драка? — спросилъ король, обращаясь къ Кохану.

— Нѣмецъ обругалъ Добека и первый схватился за мечъ,— отвѣтилъ Рава.

— Видишь, Гансъ! — сказалъ король:— вотъ за это и попало!.. Ну, и ты тоже! — погрозилъ онъ Добеку, быстро поворачиваясь къ нему: — сейчасъ ужъ и готовъ убить человѣка.

Тѣмъ это приключеніе и кончилось; но въ тотъ же вечеръ король, смѣясь, прозвалъ Добека Фредрой, и это прозвище такъ и осталось за нимъ навсегда и перешло въ потомство.

Только одинъ Коханъ догадался, почему король такъ рано вернулся съ охоты: онъ ждалъ извѣстій отъ короля Яна изъ Праги и отъ его сына, маркграфа Карла. Недавніе враги сдѣлались союзниками, благодаря могуществу денегъ, которыми былъ задобренъ король Янъ. Послѣдній былъ очень безпокойный человѣкъ, съ увлекающимся рыцарскимъ духомъ, который постоянно стремился къ войнѣ; но деньгами всего можно было достигнуть и при нихъ онъ легко примирился со всякими обстоятельствами.

Такъ случилось и теперь. Чешскій король Янъ, получивъ на память польскаго орла среди двухъ львовъ на маленькомъ щитѣ въ знамени и люксембургскаго — на одеждѣ, отказался отъ всякихъ правъ на польскую корону. Кромѣ того, ему была уступлена Силезія и дано нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ отступного.

Собственно говоря, дружба Яна чешскаго была куплена за дешевую цѣну, такъ какъ она служила для Польши щитомъ противъ крестоносцевъ. Но теперь дѣло касалось болѣе близкаго, родственнаго союза съ люксембуржцами, мужественный и рыцарскій духъ которыхъ польскій король очень цѣнилъ. Дочь короля Яна и родная сестра Карла, прекрасная Маргарита, осталась молоденькой вдовушкой послѣ герцога Баварскаго, и ее стали сватать польскому королю, который тѣмъ охотнѣе соглашался на этотъ бракъ, что она славилась своей красотой и умомъ; кромѣ того, имѣла всего двадцать семь лѣтъ, а, слѣдовательно, могла произвести на свѣтъ потомка, котораго такъ страстно желалъ король Казимиръ. Ея же маленькій сыночекъ умеръ вскорѣ послѣ смерти ея мужа. Маргарита уже была обѣщана

Базиміру и должна была пріѣхать въ Прагу, гдѣ отецъ и братъ старались склонить ее къ браку съ польскимъ королемъ. Однако ходили слухи, что она противилась ему и боялась того края, который постоянно подвергался нападѣніямъ татаръ и не отличался ни богатствомъ, ни великолѣніемъ, къ которымъ она привыкла съ дѣтства. Казиміръ ожидалъ извѣстій каждую минуту, а потому не хотѣлъ далеко удаляться отъ замка, чтобы не пропустить гонца изъ Праги и не заставлятъ его долго ждать своего возвращенія. Въ виду этого, онъ ждалъ его съ большимъ безпокойствомъ, а между тѣмъ, въ силу отцовскаго ручательства, дѣлалъ большія приготовленія къ свадьбѣ. Хотя объ этомъ нельзя было говорить во всеуслышаніе, чтобы, въ случаѣ проволочки или отказа, не могло быть стыдно, тѣмъ не менѣе въ Вавельскомъ замкѣ было большое оживленіе по случаю приготовленія къ торжественному отъѣзду за молодой женой.

Король Казиміръ, вернувшись съ охоты, велѣлъ тотчасъ позвать къ себѣ подскарбія (казнохранителя), и послѣ этого въ королевскія комнаты начали сносить изъ сокровищницы всякія драгоценности для выбора различныхъ предметовъ. Золотыя кубки и бокалы; серебряные жбаны и кувшины; охотничьи рога изъ кованаго золота, пояса, вышитые жемчугомъ; ожерелья, браслеты, занястья, кольца и перстни съ сверкающими каменьями,—все это было разложено и разбросано по разнымъ столамъ и стульямъ. Нѣсколько драгоценныхъ красныхъ поповъ, расшитыхъ жемчугомъ, лежали распростертыми отчасти на скамьяхъ, а отчасти на полу.

Казнохранитель Зиндрамъ, стоявшій посреди этихъ сокровищъ, съ грустью смотрѣлъ на нихъ, чувствуя, что они ужъ не возвратятся изъ Праги. Король, разсѣянно поглядывая на предметы, прислушивался къ каждому шелесту за окномъ, къ которому постоянно подходилъ; но посолъ все не пріѣзжалъ.

Хотя объ этой свадьбѣ нельзя было говорить, тѣмъ не менѣе, всѣ знали о ней и мѣнія придворныхъ раздѣлялись. Несмотря на то, что король былъ вдовъ, но многіе не желали имѣть королевой вдову; другіе же предвидѣли, что за эту вдову придется заплатить слишкомъ дорого, благодаря всѣмъ извѣстной жадности къ деньгамъ короля Яна. Но король Казиміръ

душевно желалъ породниться съ этимъ домомъ, такъ какъ ему до того много наговорили о красотѣ вдовушки, что онъ заглазно влюбился въ нее. Судя по отцу и брату, а также по двору, стоявшему по своему величію и обычаямъ наравнѣ съ французскимъ, Казиміръ видѣлъ въ Маргаритѣ то, чего ему не доставало въ покойной его женѣ Альдонѣ. Онъ мечталъ о ней, какъ о женщинѣ, которая могла понять его, раздѣлить его мысли и усладить жизнь, а потому каждая минута неувереннаго ожиданія казалась ему вѣчностью.

Зиндрамъ стоялъ и смотрѣлъ то на короля, то на драгоценности, разложенныя передъ нимъ, и ждалъ приказаній.

— Все это прекрасно, старикъ,—отозвался король, какъ будто приходя въ себя послѣ тяжелаго сна, — но всего этого недостаточно для дочери короля Яна... и я охотно положилъ бы къ ея ногамъ величайшія изъ драгоценностей, такъ какъ она стоитъ ихъ... Выбери самъ, что есть лучшаго, и побольше... Въдъ ты былъ въ Прагѣ?

Старикъ приподнялъ свою сѣдую голову, удивленный внезапнымъ вопросомъ, и не сразу отвѣтилъ на него.

— Былъ, но уже очень давно, милостивый король.

— Я хотѣлъ бы сдѣлать такимъ, съ помощью Божьей, мой Краковъ,—сказалъ король, складывая руки.—Великолѣпнѣйшій городъ, величественный, богатый и крѣпко защищенный... Тамъ только и можно научиться управлять, строить и заводить порядки.

Зиндрамъ опять не тотчасъ отвѣтилъ.

— Однако же, несмотря на все это, мы часто слышимъ много жалобъ,—замѣтилъ онъ—Все это великолѣпіе, каменные стѣны, королевскія путешествія, содержаніе двора и войска... все это стоитъ большихъ денегъ... Евреи бѣгутъ изъ Чехіи къ намъ, потому что ихъ тамъ облагаютъ громадными податями; бѣгутъ также и мѣщане, такъ какъ съ каждымъ возвращеніемъ короля изъ путешествія въ Прагу онъ требуетъ отъ нихъ массу денегъ... Всѣ жалуются...

Король покачалъ головой.

— Да кто же не жалуется?—возразилъ онъ.—Чешскій народъ можетъ вполнѣ гордиться своимъ монархомъ и ставить его, какъ образецъ, всѣмъ рыцарямъ.

Зиндрамъ молчалъ, поглаживая бороду и не смѣя ему противорѣчить.

— Люди говорятъ, — наконецъ отозвался онъ тихо, видя короля задумчивымъ, — что этотъ монархъ ужъ не долго будетъ императоромъ и его скоро замѣнитъ сынъ.

— Да... онъ страдаетъ глазами, — отвѣтилъ Казиміръ. — Его лѣкарь-арабъ — безчестный человѣкъ и ужъ лишилъ его праваго глаза; но король ѣздилъ къ французскимъ докторамъ и недавно вернулся изъ Монпелье и Авиньона... Дастъ Богъ...

Король не кончилъ, помолчалъ и затѣмъ, вздохнувъ, прибавилъ:

— Герцогъ моравскій, Карлъ, достоинъ своего отца!.. Чехи очень любятъ и уважаютъ... какъ его самого, такъ и его жену Біанку.

— Ну, и у него есть враги, — прошепталъ Зиндрамъ, должно быть хорошо освѣдомленный о нихъ.

Король только взглянулъ на него и промолчалъ.

Въ прилегающей комнатѣ, въ которой король принималъ гостей, придворные маршалъ и слуги быстро начали перешептываться между собою и слегка зашумѣли. Король прислушался.

Въ этотъ моментъ дверная драпировка приподнялась и одинъ изъ дворянъ доложилъ о прибытіи достойныхъ гостей.

Король, оставивъ Зиндрама, вышелъ въ залу, среди которой стояло двое духовныхъ лицъ съ крестами на груди и въ епископскихъ мантияхъ. Король весело привѣтствовалъ обоихъ. Первый изъ нихъ былъ высокаго роста и представительной наружности, съ умнымъ лицомъ, пріятное выраженіе котораго отчасти отнимали прищуренные, болязненные глаза, вслѣдствіе чего его взглядъ былъ усталый, неувѣренный и какъ бы напряженный. Онъ заслонялъ ихъ рукою отъ свѣта. Несмотря на страданіе, его лицо сіяло и казалось величественнымъ; а черты были преисполнены энергіи и вѣротости. Это былъ любимый духовникъ короля, Ярославъ Богорій, архіепископъ гнѣзненскій, ближайшій другъ, пріятель, довѣренный и совѣтникъ Казимира. Второй, стоявшій немного позади Богорія, съ скромнымъ и холоднымъ выраженіемъ лица, невзрачной фигурой, длинными

руками засунутыми въ широкіе рукава рясы, былъ епископъ краковскій, Янъ Гротъ, уже не молодой человѣкъ и довольно согнутый годами. Архіепископа король встрѣтилъ съ большимъ радушіемъ; видно было, что они были желанные и давно ожидаемы гости. Всѣ придворные тотчасъ ушли, оставивъ ихъ наединѣ. Архіепископъ сѣлъ подлѣ короля, а епископъ подлѣ него.

— Есть какія-либо извѣстія?—спросилъ Богорій, сочувственно обращаясь къ королю.

— Жду и надѣюсь,—отвѣтилъ вздыхая король,—но еще ничего не получилъ... Въ виду такой медлительности, я немного безпокоюсь,—прибавилъ онъ нѣсколько тише.—У кого же нѣтъ враговъ? Вѣроятно, меня и нашъ край представили Маргаритѣ въ такомъ свѣтѣ, что могли напугать ее и оттолкнуть отъ меня... При дворахъ Яна и Карла есть разные люди, съ различными намѣреніями и взглядами, а, слѣдовательно, и такіе, которые охотно стоятъ мнѣ на дорогѣ...

— Но вѣдь вы, ваше величество, имѣете на своей сторонѣ отца и брата,—замѣтилъ архіепископъ:—они ближе всѣхъ стоятъ къ ней и она въ зависимости отъ нихъ... Во всякомъ случаѣ, бракъ этотъ долженъ состояться...

Причемъ онъ вознесъ руки и прибавилъ:

— Дастъ Богъ—все устроится!

— Чего я пламенно желаю,—сказалъ король,—и чѣмъ дольше не получаю свѣдѣній, тѣмъ больше тревожусь...

— Помолимся!—отозвался молчаливый епископъ краковскій.

— Правду сказать,—прибавалъ король, понижая голосъ и опуская глаза,—хотя я увѣрилъ своего племянника Людовика, что онъ будетъ моимъ наслѣдникомъ, но вѣдь я самъ еще не могу отказаться отъ надежды, что Господь помянетъ меня и пошлетъ мнѣ наслѣдника.

Епископы молчали; король опечалился на минуту.

— Я знаю,—продолжалъ онъ,—что въ Будѣ не особенно будутъ рады моей женитьбѣ, и сестра Елизавета обидится на меня; но я не могу примириться съ тою мыслью, что долженъ быть послѣднимъ въ родѣ.

Архіепископъ перекрестилъ говорящаго и тихо прошепталъ:

— Я предчувствую, что вамъ не откажутъ, и надѣюсь, что дочь короля Яна позволитъ уговорить себя... Было бы даже

странно пренебрегать тѣмъ королевствомъ, которое, съ благословенія Божьяго, все возрастаетъ... Вѣдь вы уже заняли Русь, возьмете Поморье, да и Мазовія когда-либо присоединятся...

— Миѣ кажется, что тѣ сокровища, которыя вы добыли на Руси и о которыхъ такъ много говорятъ,—замѣтилъ медленно Янъ Гротъ,—заставятъ короля Яна настоять на этомъ бракѣ: онъ жаждетъ къ деньгамъ, да и нуждается въ нихъ, потому что черезчуръ расточителенъ и швыряетъ ими, какъ щепками.

— Приобрѣтаемъ славу,—возразилъ король,—а слава дороже золота.

— Настоящій рыцарь,—сказалъ архіепископъ,—но и какъ рыцарь необузданъ и несдержанъ въ своихъ страстяхъ... А очень жаль, что онъ позоритъ свои хорошія достоинства всякимъ сумасбродствомъ...

Король вспыхнулъ.

— Многое можно простить тѣмъ, кто носитъ тяжелое бремя на своихъ плечахъ,—сказалъ онъ, поворачиваясь къ Богорію. Послѣдній крѣпко отвѣтилъ:

— Многое, но не все...

Разговоръ прекратился, такъ какъ въ это время вошелъ канцлеръ съ бумагами для доклада и съ разными устными сообщеніями относительно привилегій церквамъ, пожертвованій на монастыри, обмѣна земскихъ деревень на королевскія и проч.

Король, слушая докладъ и соглашаясь съ мнѣніемъ канцлера, постоянно смотрѣлъ то на дверь, то на дворъ, прислушиваясь къ каждому шороху на немъ. Духовныя лица ушли, а на ихъ мѣсто явились чиновники, которыхъ онъ принималъ то крѣпко и милостиво, то серьезно и равнодушно, находясь съ своими мыслями далеко отъ дѣла.

Коханъ Рава, отлично знавшій своего государя и читавшій по его глазамъ, желая услужить ему, стоялъ на крыльцѣ, карауля прибытіе гостя изъ Праги, чтобы имѣть возможность первому сообщить ожидаемую радостную новость. Но ужъ близокъ былъ вечеръ, а посла все не было, вслѣдствіе чего, Казиміръ дѣлался все безпокойнѣе и печальнѣе, такъ какъ съ окончаніемъ дня кончалась и надежда на полученіе извѣстій. Въ

виду того, что въ то время по дорогамъ случались частыя разбои, всѣ избѣгали путешествовать по ночамъ.

Коханъ пошелъ къ королю, которому воспитательница привела его дочку-сиротку. Казиміръ молча ласкалъ щебетавшаго ребенка, но, при видѣ вошедшаго фаворита, быстро удалилъ ее. Когда они паходились наединѣ, любимецъ, оказывавшій при людяхъ должное уваженіе, принималъ фамиллярный тонъ и говорилъ свободно... Такимъ его любилъ видѣть король и дѣлался самъ веселѣе.

— Ну, что ты скажешь про это замедленіе?—спросилъ король.—У меня самыя скверныя предчувствія!

— А у меня—наоборотъ!—весело воскликнулъ любимецъ.— Но если-бъ я и ошибался въ немъ, милостивѣйшій государь, то развѣ тяжело найти хорошую невѣсту для такого молодого и красиваго короля?

— Я не желаю другой!—возразилъ король и, замѣтивъ, что Рава улыбнулся, прибавилъ:—быть можетъ ты скажешь, что я не видалъ ее, но при дворѣ Карла мнѣ описали ее тѣ лица, которыя знаютъ ее съ дѣтства, и я какъ будто вижу ее передъ собою! Она красивѣе всѣхъ другихъ и обладаетъ тѣмъ благороднымъ характеромъ, который я цѣню въ ихъ родѣ... Въ ней течетъ богатырская кровь Яна... Я не хочу другой, кромѣ Маргариты!

Коханъ пожалъ плечами.

— Уже по одному тому, что вы полюбили ее, не видя, она должна быть вашей, — замѣтилъ онъ.

— Она должна пріѣхать въ Прагу,—продолжалъ король:— Карлъ обѣщалъ мнѣ употребить все свое стараніе убѣдить ее выйти за меня замужъ.

— Ну, для пріобрѣтенія королевской короны не особенно нужно уговаривать,—насмѣшливо возразилъ Рава.—Не каждой она легко дается... Поломается, поспоритъ и, наконецъ, уступитъ...

— Дай Богъ!

При этомъ король быстро подошелъ къ любимцу и прибавилъ:

— Мнѣ кажется, что мы не посрамили себя въ Прагѣ!.. Надо явиться туда такъ торжественно и блестяще, какъ это

приличествуетъ польскому королю, и ты—смотри мнѣ за этимъ! Я теряю голову отъ любви къ этой женщинѣ, которую еще не видалъ. Выбратъ лучшихъ коней, покрыть богатѣйшими чепраками, надѣтъ драгоцѣннѣйшіе костюмы, вооруженія... словомъ, все.

— Придется взять съ собою всю сокровищницу, потому что тамъ не мало протянется къ намъ жадныхъ рукъ.

— Сокровищницу?! Да пусть вся идетъ! — воскликнулъ Казиміръ.—Надѣюсь, мы опять сумѣемъ наполнить ее... Ну, а въ Прагѣ мы должны блеснуть и ослѣпить всѣхъ своимъ великолѣпіемъ... Выбери рослыхъ людей и ничего не жалѣй!.. Я на тебя полагаюсь и ты мнѣ отвѣтишь за все...

— Сдѣлаю все, согласно вашему приказу, — отвѣтилъ Коханъ, — но не мѣшало бы уже приказать подавать ужинъ и забыть за столомъ о всякихъ заботахъ... Я ужъ чувствую запахъ жаренаго мяса, доносящагося сюда изъ кухни...

Такимъ образомъ Коханъ всегда старался развлечь короля. Онъ увелъ его въ столовую, сталъ позади него съ кувшиномъ, кивнулъ придворному шуту Шупкѣ, чтобы онъ забавлялъ короля; онъ и самъ острилъ, подстрекая другихъ и, наконецъ, согналъ тучки съ королевскаго чела. Тѣмъ не менѣе Казиміръ, при каждомъ звукѣ на дворѣ и у воротъ, прислушивался и посылалъ узнавать... Онъ даже видѣлъ во снѣ посла изъ Праги, котораго, однако же, не дождался и до слѣдующаго утра.

Раннимъ утромъ Коханъ отправилъ по дорогѣ къ Прагѣ на быстрѣйшемъ конѣ молодого Задору, своего пріятеля, въ надеждѣ, что тотъ, быть можетъ, встрѣтитъ гонца, узнаетъ отъ него, что нужно, и опередить его.

Такъ именно и случилось.

Задоръ, очень привязанный къ Кохану, не жалѣлъ ни себя, ни лошади и, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтилъ, въ двухъ миляхъ отъ Кракова, Мибузу изъ Липъ, отправленнаго королемъ Яномъ оповѣстить короля Казиміра о прибытіи Маргариты въ Прагу и о ея согласіи на бракъ съ нимъ. Маркграфъ Карлъ, между прочимъ, велѣлъ прибавить отъ себя, чтобы Казиміръ, получивъ извѣстіе, немедленно поспѣшилъ въ Прагу на свадьбу, пока колеблющаяся княгиня не измѣнила своего рѣшенія подъ вліяніемъ тѣхъ лицъ, которыя старались о томъ. Разумѣется, по-

ощрять короля не было надобности. Задоръ, узнавъ, что ему было нужно, оставилъ чеховъ отдыхать и самъ помчался во всю прыть, такъ что однимъ духомъ прискакалъ во дворецъ. Коханъ, перекинувшись съ нимъ двумя словами, моментально побѣжалъ съ веселымъ лицомъ въ комнаты короля, который прохаживался безпокойными шагами. Улыбка Равы и его блестящіе глаза доказывали, что онъ пришелъ съ добрыми вѣстями.

— Черезъ часъ чехи явятся сюда!—сказалъ онъ у порога:—везутъ приглашеніе на свадьбу.

Король бросился къ нему на шею; Коханъ поцѣловалъ его руку.

— Отъ кого ты узналъ?—спросилъ король.

— Я посылалъ навстрѣчу Пшедбора Задору...

Король схватилъ золотую цѣпь, лежавшую на столѣ, и возложилъ ее на шею Равы.

— Задора награжу, чѣмъ онъ желаетъ! — воскликнулъ онъ. — Завтра непременно въ путь!.. Хорошо бы еще сегодня...

Взволнованный король потиралъ руки, смѣялся и про себя разсуждалъ... Онъ самъ себѣ казался смѣшнымъ и даже черзчуръ молодымъ, такъ какъ внезапная радость возмутила спокойствіе его души, а воображеніе представляло ему прекрасную Маргариту, жизнь съ ней, колыбель сына и свѣтлое великое будущее... Союзъ съ Чехіей защищалъ Польшу отъ нападковъ; на Руси еще ожидался добычи да и крестоносцевъ имѣлось въ виду побѣдить. Ему казалось, что все это зависѣло отъ женитьбы, что съ нею должна была начаться новая эра жизни, всепрощающей, спокойной, счастливой и благословенной самимъ Богомъ!

Около полудня чехи, переодѣвшись въ городской гостиницѣ, какъ пристало королевскимъ посламъ, и вооруженною толпою вѣхали въ краковскій замокъ. Весь многочисленный дворъ уже ожидалъ ихъ; король находился въ аудіенцъ-залѣ, окруженный кастеляномъ, воеводой краковскимъ и многими другими сановниками, готовясь къ встрѣчѣ посла, Микулы Липскаго, племянника великаго подкоморія Ендриха, настоятеля вышградскаго. По величественной осанкѣ и рыцарскому убору, въ немъ было

легко узнать человека, который долго путешествовалъ съ своимъ королемъ по свѣту и умѣлъ пользоваться этимъ.

Именно у Микулы было много того, чего недоставало при польскомъ дворѣ, а именно: тонкихъ манеръ, благовоспитанныхъ пріемовъ, изящной обходительности и, вообще, цивилизаціи мягкаго человека. Каждое его движеніе было рассчитано и пріятно. Онъ былъ силенъ. Да и что могъ стоять въ то время человекъ безъ силы, когда приходилось заковывать себя въ желѣзо съ головы до ногъ и быть въ то же время легкимъ и ловкимъ наравнѣ съ опанцыреннымъ для турнира конемъ.

Значительная часть польскаго двора смотрѣла съ завистью на этого элегантнаго посла, костюмъ котораго, вооруженіе, лошадь и всѣ военные доспѣхи были новенькіе, необыкновенныхъ рисунковъ и формъ. Король радушно принялъ посла. Столы уже были готовы для угощенія. Казиміръ сѣлъ въ первый разъ за столъ съ веселою мыслью и свободой въ разговорѣ, разспрашивая Микулу о здоровьи короля, маркграфа Карла и княгини Маргариты. Микула былъ очень ловкимъ придворнымъ для того, чтобы открыть карты и обнаружить настоящее положеніе вещей: онъ говорилъ обиняками и старался представить все въ розовомъ свѣтѣ. Застольный пріемъ продолжался довольно долго. Наконецъ, король всталъ и Коханъ, прикомандированный къ послу, отвелъ его отдохнуть въ назначенныя для него комнаты. Здѣсь у него развязался языкъ, потому что Рава былъ хорошо знакомъ съ Микулой со времени прежняго посѣщенія съ королемъ Праги.

— Не печальте вашего государя, — тихо сказалъ посолъ. — Я передалъ все, что мнѣ поручено сказать; но у насъ не все обстоитъ такъ благополучно, какъ я говорилъ. Прежде всего, король ослѣпъ на другой глазъ: такъ хорошо его лѣчили французскіе доктора. Теперь онъ только и думаетъ о покаяніи... У маркграфа Карла много враговъ, хотя онъ и побѣдилъ Микулу Потштейнскаго; а княгиня Маргарита очень плачетъ, и хоть дала слово, но нужно поспѣшить, чтобы она не успѣла взять его обратно... Поэтому, живо собирайтесь въ путь и только не говорите о томъ своему государю... Лучше пусть самъ увидитъ все собственными глазами.

Рава нахмурился.

— Бога ради!—воскликнулъ онъ,—не проговоритесь о томъ, ни вы сами, ни ваши люди, при нашемъ дворѣ!.. Разумѣется, мы не въ состояніи возвратить зрѣнія старому королю; но когда Маргарита увидитъ своего жениха, то навѣрное осушить слезы и отдастъ ему, по доброй волѣ, свою руку.

Микула молча поклонился.

На слѣдующій день изъ Вавельскаго замка выѣхалъ многочислѣннѣйшій отрядъ блестящихъ всадниковъ, съ массой покрытыхъ коврами вожовъ, великолѣпныхъ лошадей и богато одѣтой челяди. Лица всѣхъ были проникнуты весельемъ. Всѣ ожидали благополучныхъ, погожихъ и веселыхъ майскихъ дней надъ Велтавой. Король ѣхалъ окруженный вельможами, помолодѣвшій и счастливый... Получивъ архипастырское благословеніе на церковной паперти, онъ смѣло возвелъ глаза свои къ небу.

Въ городѣ его ожидали городской совѣтъ и старшины, войтъ, члены суда, судьи и народъ, собравшійся толпою. Всѣ кланялись, благословляли и желали ему скорого возвращенія въ добромъ здоровьи съ супругой. Его глаза и уста улыбались и онъ, проѣзжая мимо, дѣлалъ прощальные привѣтливые жесты... Но вдругъ его взглядъ остановился на стѣнѣ стараго дома... онъ поблѣднѣлъ и губы нервно задрожали. Онъ замѣтилъ стоявшаго въ сторонѣ и какъ бы не желавшаго быть видимымъ блѣднаго мужчину съ черными волосами, дикими глазами и тонкими впадинами губами. Человѣкъ этотъ былъ въ рыцарскомъ вооруженіи и держалъ топорикъ, на который опирался руками, уставивъ его концомъ въ землю. Увидѣвъ короля, онъ прижался къ стѣнѣ и опустилъ забрало на лицо, но Казиміръ узналъ его и ѣхалъ, какъ громомъ пораженный: онъ ничего не видалъ и передъ его глазами только замелькали одни окровавленные куски человѣческихъ тѣлъ...

„Златая Прага“, стоящая надъ Велтавой, была уже блестящей и величественной столицей въ царствованіе Іоанна Люксембургскаго, и немногіе города въ Европѣ могли соперничать съ нею. Самая природа придавала ей очаровательно-художественную прелесть, какъ будто нарочно созданную для цар-

ственного города. Нѣсколько поколѣній трудилось и работало надъ украшеніемъ и количественнымъ ростомъ замковъ, господствовавшихъ надъ городомъ, и стѣнъ, окружавшихъ его. Издали эти стѣны пестрѣли ужъ великолѣпными башнями, среди которыхъ отличались своею величественностью и красотою башни свв. Стефана и Франциска. Крыши, колокольни многочисленныхъ церквей и укрѣпленныя стѣны, раздѣлявшія Старый городъ отъ Новаго, давали ясное представленіе о могуществѣ столицы, которая вскорѣ должна была сдѣлаться любимой резиденціей нѣмецкаго императора. Старый городъ, *civitas antiqua*, отличался, главнымъ образомъ, многочисленностью красивыхъ церквей и каменныхъ домовъ. Монастыри свв. Франциска, Доминика и Бенедикта съ храмами св. Яцка, св. Креста и св. Николая украшали ту часть города, которая являлась зерномъ, пустившимъ ростки вокругъ себя. Гордящійся своей стариной, царь-городъ отдѣлилъ себя и опоясалъ отъ новаго, соперничая теперь съ первобытнымъ градомъ, въ который вели шестеро великолѣпныхъ воротъ. Здѣсь былъ епископскій домъ, построенный и украшенный съ такимъ художественнымъ великолѣпіемъ, въ особенности трапезной, что архипастырь могъ въ немъ принимать вѣщеносныхъ гостей. Старый королевскій градъ съ его древнѣйшимъ храмомъ св. Вита, монастыремъ, дворцами, башнями, „райскимъ дворцомъ“, послѣ котораго остались лишь воспоминанія и имя, съ домами бургграфа, т. е. коменданта крѣпости и другихъ королевскихъ сановниковъ и правительственныхъ лицъ, гордо возвышался надъ всѣмъ новымъ городомъ.

Вокругъ него находились предмѣстья на Порѣчьи, Подскальи, Здяразѣ, подъ Вышградомъ и Подоломъ, доходя почти до Збраслава. Евреи, съ которыхъ король Янъ получалъ громадныя доходы, имѣли уже въ старомъ городѣ свою особую часть и, кромѣ того, на Порѣчьи.

На Вышградѣ, гдѣ стоялъ прежній королевскій дворецъ, подаренный декану, возносился, построенный изъ руинъ, костелъ св. Петра. Словомъ, городъ, считавшійся въ то время однимъ изъ лучшихъ, заводилъ образцовый порядокъ и заботился о чистотѣ своихъ улицъ и торговыхъ площадей. Красивѣйшая изъ улицъ, Долгая, была застроена домами богатыхъ мѣщанъ, а пражскіе Суконные ряды, быть можетъ, послужили

въ позднѣйшее время образцомъ для краковскихъ построекъ. Какъ въ польскихъ городахъ рѣдки были въ ту эпоху каменные постройки, могущія украсить и облагородить городъ, такъ Прага была уже построена почти вся изъ камня и кирпича.

Вообще, всѣ каменные зданія служили не только украшеніемъ, но и ручательствомъ относительно безопасности, такъ какъ Прага, будучи окружена ими, могла справедливо считаться недоступной для военныхъ осадъ. За ея толстыми стѣнами съ высокими башнями, съ которыхъ легко и удобно было защищаться, можно было сберегать всякія богатства, какія давали торговля и промышленность.

Такая столица отвѣчала рыцарскому духу короля Яна, который принадлежалъ къ храбрѣйшимъ и жаднѣйшимъ къ господству, славѣ и блеску современнымъ монархамъ; онъ постоянно стремился къ новымъ походамъ, добычамъ, лихорадочной дѣятельности и страстному преслѣдованію и достиженію цѣли. Прага казалась ему даже тѣсной и черезчуръ отдаленной отъ свѣта; но онъ съ отцовскою любовью украшалъ ее и жаждалъ царствовать въ ней.

Когда онъ былъ вынужденъ раздѣлить свою власть и довѣрить управленіе Чехіей своему сыну Карлу, маркграфу моравскому, который, вмѣстѣ съ женой своей Біанкой, вскорѣ приобрѣлъ любовь народа, Янъ, увидѣвъ опаснаго соперника въ своемъ сынѣ, удалилъ его отъ управленія. Однако, вскорѣ онъ опять оказался вынужденнымъ выпустить изъ своихъ рукъ бразды правленія, которыя съ такою жадностью держалъ въ своей рукѣ.

Словомъ, этому доблестному рыцарю не счастливилось: во время своей второй свадьбы съ Беатричей, онъ былъ сильно раненъ на турнирѣ, а вскорѣ затѣмъ у него заболѣли глаза. Лѣкарь-арабъ, нарочно выписанный къ нему, лишилъ его праваго глаза. Народъ это несчастье приписалъ Божескому поущенію за многія прегрѣшенія.

Вскорѣ послѣ перваго заболѣлъ и второй глазъ, и хотя онъ ѣздилъ лѣчить его во Францію, но и это не помогло, и императоръ совсѣмъ ослабъ. Тѣмъ не менѣе это не мѣшало ему справлять рыцарскіе турниры, на которые вѣдрили его товарищи, и онъ попрежнему забавлялся съ ними.

Союзъ съ королемъ Казиміромъ, который долженъ былъ сдѣлаться еще прочѣе, вслѣдствіе заключенія брака съ его дочерью, былъ ненарушимъ между ними въ продолженіе шести лѣтъ, со времени сѣзда въ венгерскомъ Вышградѣ.

Именно тогда молодой король, вѣроятно, первый разъ посѣтилъ Прагу, пробылъ въ ней дней десять и, будучи великодушнѣе привѣтъ, влюбился въ западные обычаи, въ благородство рыцарскаго двора и во всё тѣ прелести цивилизаціи, которыя ослѣпляли его въ присутствіи короля Яна. Быть можетъ, въ то время король Казиміръ, увидѣвъ въ Чехіи процвѣтающіе города, образцовый порядокъ въ нихъ и строгую дисциплину во всемъ, рѣшился завести такой же порядокъ въ собственномъ краѣ. Дѣйствительно, венгерскій и чешскій дворы могли послужить ему образцами для устройства собственнаго. Онъ сразу увидѣлъ и понялъ своимъ смѣтливymъ умомъ, чѣмъ онъ могъ позанимствоваться у нихъ, что приноровить къ Польшѣ и что уничтожить, что хорошо для нея и что не годится. Однако, какъ ни проченъ былъ тройственный союзъ между Венгріей, Чехіей и Польшей и какъ съ виду онъ ни казался ненарушимымъ, но онъ уже не былъ такимъ тѣснымъ, какъ въ самомъ началѣ. Соединеніе польской короны съ венгерской, которое уже было рѣшено сестрой Казиміра, Елисаветой, не могло правиться чешскому королю, такъ какъ оно составляло бы тогда невыгодную для него силу. Поэтому Янъ совѣтовалъ Казиміру, желавшему имѣть наслѣдника, обязательно жениться и когда его собственная дочь овдовѣла, то посватать ему ее.

Прошло ужъ нѣсколько дней, какъ княгиня Маргарита, выписанная отцомъ, пріѣхала въ Прагу, въ глубокомъ траурѣ по мужу и по недавно умершемъ ребенкѣ, какъ бы нарочно желая показать этимъ свое отвращеніе къ вступленію во второй бракъ. Отецъ, который хотя и не видѣлъ ничего, но узналъ о траурѣ, велѣлъ снять его. Какъ онъ самъ, такъ и маркграфъ Карлъ обрुжили ее самыми нѣжными попеченіями и употребили всё свои усилія склонить ее выйти за Казиміра. Однако свѣдѣнія, какія Маргарита имѣла о Польшѣ, будучи еще въ Баваріи, далеко не располагали ее къ супружеству съ польскимъ королемъ. Между тѣмъ ей охарактеризовали польскій край дикимъ, пустыннымъ, заросшимъ лѣсами, холоднымъ,

грустнымъ, бѣднымъ и постоянно подвергающимся войнамъ и нападеніямъ со стороны враждебныхъ сосѣдей, а самого короля — какъ полуизычника, который бралъ отъ жизни все, что хотѣлъ, и былъ развратникомъ. Но король Янъ и его сынъ Карлъ говорили о Казиміръ совсѣмъ другое: они хвалили его какъ благороднѣйшаго, добросердечнѣйшаго и умнѣйшаго человѣка, съ лучшими намѣреніями, оживленнаго, великаго государя и владѣтеля громаднѣйшихъ сокровищъ, добытыхъ имъ на Руси. Даже собственную особу молодого короля, который представлялся имъ доблестнѣйшимъ рыцаремъ, никому не уступавшимъ какъ въ ристалищахъ, такъ и въ турнирахъ, они высоко цѣнили и превозносили до небесъ. И напрасно Маргарита, обнимая колѣни отца, увѣряла его, что она не хочетъ выходить замужъ, но деспотичный король требовалъ отъ нея самопожертвованія, ради собственныхъ выгодъ, и настоятельно желалъ ее видѣть на польскомъ престолѣ.

Наставляя на своемъ, отецъ и сынъ не давали ей ни покоя, ни времени подумать и требовали слова.

Въ одинъ изъ дней, предшествовавшихъ отъѣзду посла Микулы изъ Линъ въ Краковъ, послѣ продолжительнаго застольнаго разговора за ужиномъ съ отцомъ и братомъ, усталая Маргарита, наконецъ, ушла въ свои комнаты. Многочисленный дворъ, состоявшій по большей части изъ женщинъ-нѣмокъ, окружалъ ее. Между женщинами и дѣвушками, раздѣлившимися на два лагеря, существовали различныя мнѣнія относительно ея замужества; однѣ поддакивали вдовѣ, а другія, исполняя приказъ короля, старались склонить ее къ супружеству.

Старая нянька Маргариты, Агнеса, полунитальянка и полунѣмка, будучи привязанной къ своей воспитанницѣ, защищала ее. Опасеніе навлечь на себя гнѣвъ ея отца, быть можетъ, удержало бы ее отъ излишняго усердія, если-бъ по прибытіи ея въ Прагу не нашелся кто-то, кто, зная ея вліяніе, не постарался тотчасъ воспользоваться имъ. Этимъ «кто-то» былъ старинный житель Праги, ведшій значительную торговлю съ венгерцами и имѣвшій друзей при тамошнемъ дворѣ, съ которыми поддерживалъ добрыя отношенія.

Гинко Пеларъ былъ загадочный и молчаливый человѣкъ; онъ умѣлъ всюду проникнуть, нерѣдко исчезалъ на долгое время,

часто путешествовалъ, имѣлъ большія связи, былъ хорошо знакомъ съ духовенствомъ и дворомъ, но подозрѣвался своими собратами въ какихъ-то политическихъ сношеніяхъ. Никто ниже Пелара не кланялся королю Яну и никто усерднѣе не служилъ маркграфу Карлу, какъ равно никто не являлся самымъ виднымъ посредникомъ относительно одолженій, которыхъ король требовалъ отъ мѣщанъ,—какъ Гинко Пеларъ, и, тѣмъ не менѣе, его обвиняли въ далеко не вѣрноподданническихъ чувствахъ и интригахъ. Гинко недавно вернулся изъ Венгріи и, казалось, какъ будто только и ждалъ прибытія Маргариты Баварской, а потому на слѣдующій же день отправился въ замокъ привѣтствовать свою старую знакомую и пріятельницу Агнесу. Богатый Пеларъ всегда былъ желаннымъ гостемъ у придворныхъ. Агнеса, какъ и всѣ пожилыя женщины, была словоохотлива и любила много говорить, хотя ужъ ничего не могла дѣлать, и сѣтованія для нея были единственной утѣхой. Она сѣтовала на свою судьбу, на судьбу своей госпожи, на судьбы всего человѣческаго рода, на несчастныя времена и на всѣ несчастія, какими судьба награждала несчастныхъ. Уже три года прошло съ того времени, какъ саранча посѣтила Чехію, но Агнеса и ее еще не могла забыть. Пеларъ, вообще мало говорившій, слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ. Они сидѣли вдвоемъ въ небольшой комнатѣ, въ то время, когда Маргарита молилась въ одной изъ часовенъ при церкви св. Вита.

Агнеса, прежде всего, рассказала, какъ умеръ внезапно и несчастливо мужъ ея госпожи; какъ потомъ всѣ жаждали его; какъ затѣмъ заболѣлъ ея сыночекъ, на котораго она возлагала всѣ надежды, и какъ онъ своей внезапной смертью привелъ молодую мать въ отчаяніе. Пеларъ слушалъ все это съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ, причѣмъ замѣтилъ, что въ настоящее время совсѣмъ нѣтъ такихъ докторовъ, которые умѣли бы лѣчить и помочь несчастному. Доказательствомъ тому могъ служить бѣдный король Янъ, который ослѣпъ. Агнеса плакала и вытирала слезы. Наконецъ они договорились до замужества, противнаго молодой вдовѣ. Пеларъ выслушалъ ее откровенное мнѣніе и наконецъ нарушилъ свое упрямое молчаніе: онъ потихоньку, не торопясь, какъ другъ и пріятель королевскаго рода, безусловно отсовѣтовывалъ этотъ союзъ и прямо

намекала на то, чтобы Агнеса, изъ любви къ своей госпожѣ, постаралась предотвратить бракъ, который могъ сдѣлать несчастной Маргариту.

— Видь я часто бываю какъ въ Венгріи, такъ и въ Краковѣ, — замѣтилъ онъ таинственно, — и у меня есть вездѣ пріатели, а потому достаточно наслышался о Польшѣ и объ ея настоящемъ и прошломъ королѣ. Княгиня привыкла къ инымъ обычаямъ и навѣрное тамъ не уживется. Это совсѣмъ дикій край, въ которомъ нѣтъ даже дорогъ, переполненъ разбойниками и заросъ лѣсами. Кромѣ того, его уничтожаютъ татары, Литва, крестоносцы, Русь и сосѣдніе князья... Города — деревянные; деревни, точно шалаши, безъ печей и трубъ; народъ ходитъ въ звѣриныхъ шкурахъ, голодаетъ... Словомъ, вездѣ нужда и недостатокъ...

Агнеса слушала его, заламывая руки, крестясь и призывая на помощь всѣхъ святыхъ. Между тѣмъ Пеларъ продолжалъ процѣживать сквозь зубы съ явной неохотой рассказъ о молодомъ королѣ и между прочимъ коснулся венгерской исторіи, которая ему была достоверно извѣстна. Старая нянька и ключница умоляла его рассказать подробно. Гинко не заставлялъ себя просить и выложилъ все, что зналъ объ Амадеяхъ, съ прибавленіемъ собственныхъ фразъ, чернившихъ польскаго короля и его сестру Елисавету. По его словамъ, это былъ дикій и необузданный человѣкъ, ужасно странный и непостоянный. Кромѣ того, какъ онъ говорилъ, языческій обычай страны допускалъ многобрачіе, которое считалось законнымъ, и Маргарита была бы не женой, а только одной изъ его женъ. Рассказъ этотъ возмутилъ старушку, а въ то же время преисполнилъ ее благодарности къ человѣку, который открылъ ей важную тайну. Въ тотъ же день она поспѣшила подѣлиться этою новостью съ своей воспитанницей и указала источникъ. Маргарита пожелала слышать все это отъ самого рассказчика, котораго тайно ввели въ ея комнаты. Сначала онъ колебался, отпѣкивался и отпрашивался, считая неудобнымъ повторить сказанное; но когда его мѣшокъ съ грязными новостями развязался, то, разумеется, ему легко было напугать бѣдную вдову, вызвать въ ней отвращеніе къ незнакомому ей Казиміру и преисполнить еще большей тревогой и возмущеніемъ.

Въ виду этого, она со слезами начала просить суроваго отца и нетерпѣливаго брата освободить ее отъ даннаго слова. Конечно, они тотчасъ поняли, что они обязаны этимъ какому либо постороннему влиянію, которое придало ей силы и мужество къ сопротивленію. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней въ слезахъ, просьбахъ, спорахъ и настояніяхъ. Между тѣмъ старуха Агнеса каждый вечеръ подстрекала ее къ сопротивленію волѣ отца и брата, а приходившій каждый день Пеларъ подливалъ масла въ огонь. Но борьба съ людьми сильной воли и темперамента, какіе были у короля-отца и ея брата Карла, была не подъ силу слабой и измученной женщинѣ, и она не могла выйти изъ нея побѣдительницей: отецъ настаивалъ и грозилъ, ибо вся будущая судьба зависѣла отъ него. Ея братъ Карлъ насмѣхался надъ всякими сплетнями о Базмиръ, а его жена Біанка старалась убѣдить ее своими женскими аргументами... Словомъ, ей не давали отдохнуть, подумать и опомниться, и она поневолѣ должна была держать свое, вынужденное у нея, слово. Благодаря этому, въ Краковѣ были снаряженъ посолъ и во дворцѣ начались приготовленія къ свадьбѣ, которую король рѣшилъ отпраздновать самымъ торжественнѣйшимъ и блестящимъ образомъ. Король Янъ тотчасъ приказалъ позвать къ нему бургрфа Гиньека младшаго и поручилъ ему сдѣлать все приготовленія къ ней въ городѣ.

Весенніе теплые дни какъ нельзя лучше способствовали къ устройству празднествъ, въ которыхъ должны были принять участіе какъ дворъ и духовенство, такъ и народъ. Въ то время, когда Маргарита проливала слезы, въ замкѣ и въ городѣ уже обдумали, съ какою торжественностью будутъ встрѣчать и принимать польскаго короля, какъ будутъ привѣтствовать его и нировать на свадьбѣ. Къ этому времени готовились къ турнирамъ, на рынкѣ Стараго города разставляли пиршественные столы для народа; въ замкѣ приготовляли комнаты и столы для угощенія поляковъ; предполагалось устройство ристалищъ, пѣнія, танцевъ и разныхъ другихъ развлеченій и забавъ. Но въ тотъ день, когда Маргарита дала слово, котораго ужъ ни въ какомъ случаѣ не могла вернуть, она захворала, начала слабѣть и блекнуть. Ослѣпшій отецъ ужъ не могъ видѣть на ея красномъ лицѣ слѣдовъ слезъ и внутренней борьбы, а братъ Карлъ,

объясняя ее яко-бы притворное равнодушіе по-мужски, былъ увѣренъ, что вся ее тревога, страхъ и печаль сами собою пройдутъ, какъ только прійдетъ ее женихъ. Въ первый день, послѣ даннаго слова, прекрасная Маргарита вышла къ столу совсѣмъ больной, слабой и молчаливой, и отецъ напрасно старался развеселить ее: она отвѣчала односложно, слезы навертывались на глаза и она чувствовала себя жертвой. Наконецъ, выйдя изъ-за стола, она отправилась въ свои комнаты и осталась въ нихъ. Агнеса предложила ей лечь въ постель; ее окружили фрейлины и приближенныя женщины, которыя хотѣли развлечь ее лѣніемъ и игрой, но она приказала имъ молчать. На слѣдующій день она еще пришла къ отцу, была разсѣяна, ходила отъ окна къ окну и съ тревогой смотрѣла въ нихъ, дрожа при мысли, что ее ужасный женихъ можетъ прійхать съ минуты на минуту.

Король однако же не смягчился, узнавъ о ее болѣзни, и только спрашивалъ, дѣлаются ли необходимыя приготовленія къ брачному торжеству. Маркграфъ Карлъ смотрѣлъ равнодушно на женскій капризъ и привередничество. Обоимъ казалось, что прибытіе молодого, красиваго и благороднаго короля Газимира разсѣетъ ее предубѣжденія...

Наконецъ насталъ день, котораго ожидали одни съ большимъ нетерпѣніемъ, а другіе — съ величайшимъ ужасомъ и тревогой. Маргарита, лежавшая въ послѣдніе дни въ постели, встала съ нея только при усиленныхъ просьбахъ Біанки. Пытка была неизбѣжной, и она рѣшилась мужественно перенести ее до конца.

Оставшись наединѣ съ Агнесой, увеличивавшей ее страхъ своими соболѣзнованіями надъ ее несчастной судьбой, княгиня высказала ей, что она скоро умретъ.

— Не плачь,—сказала она:—я долго не буду страдать... Я не позволю имъ увезти меня въ тѣ страшные лѣса и пустыни на издѣвательство и неволю... Я здѣсь умру...

Старая Агнеса обнимала ее колѣни, заливаясь слезами и стонами. Но уже не было никакого спасенія: король не позволялъ даже намекать ему объ отсрочкѣ свадьбы, вѣлѣдствіе ее болѣзни, а Карлъ все больше выходилъ изъ себя изъ-за самоуправія сестры. Но были ли какія-либо чувства, надежды и

воспоминанія, которыя увеличивали ея упрямство и отвращеніе — о томъ, конечно, никто не зналъ, кромѣ старой Агнесы, но лицо княгини съ каждой минутой все увядало и блекло.

— Тѣмъ лучше! — возразила Маргарита, когда всѣ начали соболѣзновать надъ ея увяданіемъ: — быть можетъ, я окажусь для него настолько противной, что онъ самъ откажется отъ меня.

Однажды вечеромъ явился гонецъ, посланный впередъ Миколой Липскимъ, съ оповѣщеніемъ о скоромъ прибытіи польскаго короля. Все уже было готово къ торжественному приему и слѣпой король Янъ только сожалѣлъ, что онъ лично не могъ выѣхать, хоть въ городъ, ему навстрѣчу. Въ этомъ его долженъ былъ замѣнить сынъ Карлъ въ сопровожденіи великаго подкоморія Ендриха изъ Липъ, бургграфа Гинека и блестящей свиты рыцарей.

Немедленно было дано знать на епископскій дворъ, чтобы духовенство приготовилось къ встрѣчѣ и распорядилось звонить во всѣхъ церквахъ въ колокола.

Когда въ комнату Маргариты вошла БIANKA съ извѣстіемъ о прибытіи короля Казимира, несчастная княгиня упала въ обморокъ. Но отцовскій приказъ былъ рѣшителенъ. Весь женскій персоналъ былъ къ ея услугамъ для одѣванія, и король настаивалъ, чтобы она вышла блестяще одѣтой къ своему назначенному. Какое-то отчаянное самоотверженіе овладѣло ослабѣвшей отъ непріятностей и волненія женщиной. Она вскочила съ постели и, нахмутивъ брови, велѣла подавать себѣ одѣваться. Все было ужъ приготовлено. Обычай того времени требовалъ, чтобы королевская дочка явилась въ полномъ блескѣ своего наряда. Глазетовое платье съ прозрачными прошивками, крупныя брилліанты, ожерелья изъ драгоценныхъ камней и жемчуга, широкій золотой поясъ, какіе въ то время носили, пурпурная мантия съ золотымъ шитьемъ и оторочками кругомъ, — все это надѣвалось и напяливалось на бѣдную жертву, которая не чувствовала и какъ будто не замѣчала, что съ нею дѣлали. Агнеса плакала, забившись въ уголъ, между тѣмъ какъ фрейлины наряжали ее, застегивали, пристегивали и одѣвали массивныя кольца и браслеты.

Но вотъ на городскихъ колокольныхъ раздался звонъ; Маргарита зашаталась и навѣрное упала бы, если-бъ ее не под-

держали одѣвавшія се дѣвушки. На дворѣ замка былъ слышенъ лошадиный топотъ и лязгъ стального оружія. Маркграфъ Карлъ, весь закованный въ золоченныя доспѣхи, съ громаднымъ крылатымъ плюмажемъ на шлемѣ, выѣхалъ навстрѣчу съ замкового двора.

Король Казиміръ въѣзжалъ въ „Золотую Прагу“ съ сіяющимъ, веселымъ лицомъ, привѣтствуемый кликами безчисленной толпы. Онъ былъ счастливъ въ эту минуту. Кorteжъ польскихъ рыцарей, состоявшій изъ людей громаднаго роста и подобраннйй молодець къ молодцу, подвигался впередъ въ великолѣпныхъ нарядахъ, въ блестящемъ, какъ солнце, вооруженіи, со щитами на правой рукѣ. На всѣхъ ихъ видѣлись изображенія топоровъ, подковъ, мѣсяцевъ, грифовъ и львовъ. Казиміръ ѣхалъ на бѣломъ конѣ, покрытомъ краснымъ чепракомъ съ вышитыми на немъ жемчугомъ орлами. На его коронообразномъ шишакѣ сидѣлъ орелъ, какъ будто стремящійся улетѣть. Короля окружали какъ зрѣлые воины, такъ и красивая молодежь и многочисленная свита. Трубные звуки оповѣщали о его прибытіи. По улицамъ едва можно было пройти. У городскихъ воротъ его уже ждалъ епископъ Дразицъ, который благословилъ его и повелъ въ замокъ. Тамъ ужъ, въ большой нижней залѣ, ожидалъ его король Янъ, его невѣстка Біанка и мертвенно блѣдная Маргарита. Король былъ печаленъ и задумчивъ: до него доходили отголоски многочисленныхъ голосовъ, но онъ не видалъ своими глазами того блеска, къ которому привыкъ, и это омрачало его лицо и душу. Бнягиня Маргарита ошибалась, говоря, что если она поблѣднѣетъ и завянетъ, то тѣмъ больше сдѣлается безобразною. Однако, ея красота, чистота строго-правильныхъ очертаній и огонь черныхъ глазъ еще больше увеличили ея прелесть. Можетъ быть эта прелесть не соответствовала современному понятію того вѣка, — требовавшаго отъ женщины свѣжести, здоровья и физическаго развитія, — но Маргарита, хотя и была блѣдною тѣнью, однако казалась какимъ-то неземнымъ созданіемъ, которое привлекало своей ангельской красотою, вызывая всеобщее сочувствіе: она стояла какъ жертва, ожидающая своего палача. Между тѣмъ, на дворѣ раздавался шумъ, и ея братъ съ Казиміромъ уже входили въ замокъ.

Бianка боялась за нее и подошла ближе, чтобы, въ случаѣ нужды, подать ей руку помощи. Но случилось то, чего никто не могъ предвидѣть: ослабѣвшая Маргарита вдругъ вздрогнула и внезапно ожила: въ ней проявилась гордость королевской дочери. Хотя она стояла блѣдная, но мужественная и смѣло смотрѣла лихорадочно горѣвшими глазами на входящихъ. Ея взглядъ остановился на Казимірѣ, который шелъ сіяющій и счастливый, отыскивая глазами ту, которую еще не видалъ, но онъ узналъ ее по описанію, и первый взглядъ ее поразилъ его точно кинжаломъ въ грудь: Казиміръ вздрогнулъ и заколебался... тѣмъ не менѣе подошелъ для привѣтствія короля Яна. Но это былъ одинъ моментъ и онъ живѣе двинулся къ нему. Княгиня Маргарита опустила глаза: она ужъ ничего не видѣла, и ей приказали подать руку жениху. Она холодно протянула ее, но ничего не слышала, что онъ говорилъ, а когда онъ сталъ подѣл ей, то даже не взглянула. Вокругъ стоялъ шумъ и восклицанія. По данному церемоніймейстеромъ знаку всѣ двинулись къ торжественнымъ столамъ. При главномъ изъ нихъ сѣлъ отецъ, а нареченныхъ посадили подлѣ него. Маргарита съ успіемъ сѣла подлѣ жениха и хотя слышала какой-то шопотъ, но не поднимала глазъ и не отвѣчала. Маркіграфъ Карлъ наклонился къ уху вѣнценоснаго жениха.

— Маргарита немного больна, — шепнулъ онъ, — но не обращайтесь на это вниманія... Это женская манера казаться грустной, когда ихъ ожидаетъ счастье.

Польскій король былъ преисполненъ самыхъ лучшихъ надеждъ; его не обманули: королевна показалась ему чудно прекрасной...

На слѣдующій день никто ужъ не видалъ блѣдной Маргариты... Король велѣлъ объявить Казиміру, что княгиня заболѣла, и докторъ приказалъ ей лежать спокойно въ постели, такъ что въ этотъ день она не могла показаться и ее нельзя было видѣть.

Польскій король встревожился и отправилъ Кохана Раву на развѣдки. У послѣдняго здѣсь были знакомые, пріятели и даже родственники. Впрочемъ, будучи смышленнымъ и лов-

кимъ, онъ могъ вездѣ проникнуть и узнать, что ему надо. При чешскомъ дворѣ у него было нѣсколько знакомыхъ женщинъ, за которыми онъ когда-то ухаживалъ. Онъ всегда придерживался обычая знакомиться съ такими дамами, которыя понимали толкъ въ мужской красотѣ и прельщались имъ.

Въ свитѣ княгини Маргариты оказалась знакомой молодая, красивая дѣвушка Зита, съ которою онъ часто встрѣчался въ прежнія своя посѣщенія чешскаго двора. Онъ пошелъ разыскивать ее. Всѣ радушно принимали польскихъ гостей, а потому онъ легко могъ узнать о ней. Вызванная изъ комнатъ, она вышла къ нему полурадостная, полунечальная; ей было пріятно, что ея прежній поклонникъ вспомнилъ о ней и только притворилась грустной.

Ловкій Коханъ началъ съ объясненія, что онъ сильно скучалъ о ней и потому стремился всѣмъ сердцемъ скорѣе повидаться съ нею и засвидѣтельствовать ей свое почтеніе.

Зита, слегка кокетничая съ нимъ и дѣлая игривыя движенія всѣмъ корпусомъ, бросала на него плутовскіе взгляды и благодарила. Она не вѣрила коварному мужичиѣ, тѣмъ не менѣе между ними завязался шуточный разговоръ. Коханъ ангажировалъ ее танцевать на предстоящемъ празднествѣ, но она какъ будто отказывалась и колебалась.

— Мы къ вамъ пріѣхали на свадьбу веселиться, — сказалъ онъ, — а вы насъ принимаете съ недовольнымъ лицомъ и болѣзнью.

Зита покачала головой, поправляя прическу.

— Княгиня не во-время захворала, — прибавилъ онъ: — но это, должно быть, неопасная болѣзнь.

Однако, дѣвушку трудно было заставить говорить: она оглядывалась, потому что вокругъ ходилъ народъ, который мѣшалъ имъ бесѣдовать, и они пошли въ нижнія комнаты, въ которыхъ въ это время никого не было.

— Въ виду того, что вы очень снисходительны ко мнѣ, — продолжалъ Рава, — то не будете ли такъ любезны сказать, что тутъ у васъ дѣлается?.. Въ самомъ дѣлѣ княгиня больна или только притворяется?

— Во-первыхъ, кто вамъ сказалъ, что я снисходительна къ вамъ? — спросила дѣвушка, какъ будто обиженнымъ тономъ.

Но эта обида не долго продолжалась, потому что Коханъ все ближе и ближе подвигался къ ней. Онъ былъ красивъ и всѣ знали, что онъ находится въ особыхъ милостяхъ у своего короля.

— Княгиня уже давно больна, — наконецъ отозвалась Зита, смягченная любезностью кавалера: — она не можетъ забыть потери покойнаго мужа и сына.

— Ну, что-жъ дѣлать? — сказалъ Коханъ, обращая ея слова въ шутку: — За двухъ мертвыхъ она получить одного живого красавца, а съ нимъ будетъ недалеко и до ребенка...

Дѣвушка отвернулась отъ него съ неудовольствіемъ, и онъ долженъ былъ извиниться. Зита опять смягчилась и прибавила:

— Здѣсь васъ очень боятся! Мы знаемъ, какіе вы люди и что у васъ стоитъ женщина, хотя бы королева.

— Но вѣдь мы не волки и не съѣдимъ ихъ! — разсмѣялся Коханъ. — Если бъ мы пожирали ихъ, то я первый проглотилъ бы васъ, потому что вы пришлись мнѣ и по сердцу и по вкусу.

Зита разсмѣялась. Лесть, въ какомъ-бы видѣ она ни была выражена, всегда имѣетъ свою прелесть и оставляетъ извѣстное впечатлѣніе.

Молодая дѣвушка, принимавшая вначалѣ Раву довольно сухо, сдѣлалась довольно любезною: она вызывающе смотрѣла на него, улыбалась, не сердилась и, въ силу стараго знакомства съ нимъ, не вырывалась, когда онъ полюбилъ ее за талію, находя, что она достаточно защитила свое женское достоинство, сразу не поддавшись ему.

Они сѣли на скамейкѣ и Коханъ продолжалъ свои разспросы:

— Что съ королевой?

Очевидно, ей не легко было отвѣтить, такъ какъ она долго молчала.

— Королева, — сказала она, опуская глаза, — должно быть не хочетъ выходить замужъ... Она еще недавно овдовѣла... Къ тому же, про вашего короля рассказываютъ ужасныя вещи...

— Кто? Что?! — воскликнулъ возмущенный Коханъ. — Это наглая клевета!..

Зита, умѣвшая ловко подслушивать, отлично знала исто-

рю Амадеевъ, которую старая Агнеса рассказывала молодой вдовѣ.

— Клевета?—сказала она, смотря на Кохана. — Ну, а этотъ кровавый и вѣшнѣй случай съ дочерью Амадея?

— Дожь!—воскликнулъ Рава, волнуясь.—Король не виновать въ немъ...

Но Зита не позволила ему защищаться.

— Этого я не знаю,—продолжала она поспѣшно, — но у вашего короля много враговъ при нашемъ дворѣ... Они разстроили королевну и изъ-за нихъ, главнымъ образомъ, она и заболѣла...

Коханъ нахмурился.

— Очень больна? — спросилъ онъ. — И въ самомъ дѣлѣ больна?

— Да... Она заболѣла съ того дня, когда ее выпудили дать слово отцу...

— Что-же будетъ со свадьбой?

— Вѣроятно, придется отложить и подождать,—вздыхнула дѣвушка.

Рава притворился, что онъ заботился только о танцахъ и собственномъ весельи, а потому тоже вздохнулъ, умильно посмотрѣвъ на Зиту. Онъ узналъ отъ нея о настроеніи старой Агнесы и объ источникѣ исторіи Амадеевъ, условился, гдѣ встрѣтиться съ дѣвушкой, и ушелъ къ королю, котораго не засталъ въ комнатѣ. Заботящійся о развлеченіи гостя, маркграфъ Карлъ повелъ его посмотреть на приготовленіе къ турниру.

Между прочимъ, они поговорили немного о назначеніи дня свадьбы. Польскій король снѣшилъ; да и старый король Янъ не медлилъ и, несмотря на болѣзнь дочери, назначилъ ее въ день ангела Маргариты. А до него оставалось еще достаточно времени, такъ что она могла выздороветь, приготовиться и разочароваться въ своихъ предубѣжденіяхъ противъ Казимира. Послѣдній, какъ ни снѣшилъ, долженъ былъ подчиниться желанію своего будущаго тестя и ждать этого дня. А между тѣмъ были употреблены всѣ мѣры для того, чтобы коронованному гостю не было скучно. Весь городъ принялъ праздничный видъ. На рыночныхъ площадяхъ были разставлены столы для народа, музыканты играли на галлереяхъ, на площадкахъ башенъ и

надъ городскими воротами; въ залахъ происходили пиры; на дворѣ—турниры; по вечерамъ—пѣніе и танцы... Это было необходимо для гостя, хотя болѣзнь Маргариты хмурила всѣмъ лица. Разумѣется, болѣзнь была не настолько серьезна, чтобы опасаться за ея исходъ, и король былъ увѣренъ, что послѣ отдыха и успокоенія его дочь на слѣдующій день выйдетъ къ гостямъ.

Король Казиміръ, притворяясь веселымъ, былъ однако-же очень обезпокоенъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда ему нужно было казаться радостнымъ: въ такія минуты онъ стоялъ задумчивый и точно окаменѣлый. Маркграфъ Карлъ старался развлечь его, но напрасно.

Площадь для турнира была ужъ окружена веревками, судьи избраны и щиты имѣющихъ принять участіе въ турнирѣ вывѣшены на столбахъ. Карлъ и Казиміръ, въ сопровожденіи своихъ дворовъ, обошли и осмотрѣли площадь, но польскій король безучастно относился къ предстоящимъ забавамъ. Наконецъ они вернулись въ покои маркграфа и, оставшись наединѣ, могли свободно поговорить. Казиміръ ждалъ этого разговора. Карлъ, будучи отъ природы живымъ и подвижнымъ, не могъ усидѣть спокойно на мѣстѣ; какъ только они вошли въ комнату, онъ тотчасъ сѣлъ въ кресло и, по привычкѣ съ дѣтства, схватилъ кусокъ дерева, началъ его рѣзать и обстругивать ножомъ: это было его любимѣйшее занятіе даже при гостяхъ. Первый попавшійся подъ руку кусокъ дерева служилъ ему матеріаломъ для обработки и вырѣзки разныхъ фигурокъ, которыя онъ изящно отдѣлывалъ однимъ ножомъ. Казиміръ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и теперь, когда они остались одни, его лицо совсѣмъ опечалилось.

— Сердечный и дорогой братъ мой! —отозвался онъ, имѣя надобность поговорить откровенно:—ты хорошо знаешь, что я очень цѣню сочетаніе бракомъ съ твоей сестрою и вообще родство съ вашимъ домомъ. Я стремился къ этому, даже не видя Маргариты... Нынѣ же, когда я увидѣлъ ее, тѣмъ больше желаю этого счастья... Но... княгиня...

Карлъ быстро поднялъ глаза, опущенные до этого на суковатую палку, конецъ которой онъ обстругивалъ.

— Да развѣ ты не знаешь женщинъ?—отозвался онъ.—У

каждой изъ нихъ есть свои капризы и слабости... и на нихъ поневолѣ приходится смотрѣть снисходительно... Маргарита недавно лишилась мужа и ребенка... Потерпи немного.

— Миѣ желательно было-бы видѣться и поговорить съ нею... Быть можетъ, она предубѣждена противъ меня... Есть злые люди, которые могли наказать ей что-либо, и я хотѣлъ-бы успокоить ее... Вѣдь она не особенно больна!

Карлъ, не оставляя своей работы, подошелъ къ дверямъ, позвалъ маршала и послалъ его къ сестрѣ доложить, что женихъ придетъ навѣстить ее.

Тамъ, разумѣется, не ожидали его; княгиня была не одѣта и лежала въ постели; подлѣ нея сидѣла старая Агнеса.

Въ виду того, что докладъ о посѣщеніи ея польскимъ королемъ былъ сдѣланъ категорически, безъ выраженія просьбы позволить навѣстить ее, она разсердилась на нахальство Казимира. Не отвѣчая ни слова дѣвушкѣ, которая передала ей слова и волю брата, она смѣрила ее озлобленнымъ взглядомъ и приказала одѣть себя. Немедленно было принесено платье безъ всякаго выбора и разныя драгоценности; княгиню причесали и одѣли безъ активного участія ея въ процессъ одѣванія, и послѣ этого княгиня, вмѣсто того, чтобы сѣсть въ кресло въ ожиданіи гостя, полулежа на постели, оперлась на бѣлую руку и молчала. Маркграфъ ввелъ къ ней блѣднаго Казимира. Фрейлины Маргариты, окружавшія ее, были удалены въ прилегающую комнату. Казимиръ занялъ мѣсто противъ невѣсты. Онъ пришелъ къ ней съ драгоценными подарками. Шесть отроковъ одинаковаго роста и въ одинаковыхъ красныхъ кафтанахъ, съ вышитыми на нихъ пястовскими бѣлыми орлами, несли кованые ларцы съ открытыми крышками, такъ чтобы съ разу можно было видѣть всѣ драгоценности, заключавшіяся въ нихъ. Король Казимиръ взялъ у перваго изъ нихъ самый красивый ларецъ и, съ улыбкой, поставилъ его у ногъ нареченной. Отроки становясь поочередно на колѣни, поставили принесенные ими дары.

Все это оказалось не настолько варварски и бѣдно, какъ рассказывали о томъ княгинѣ. Она молча и вся дрожа смотрѣла съ изумленіемъ на драгоценности, которыя заслуживали быть возложенными и носимыми самой королевой. Изнутри лар-

цевъ, обитыхъ яркими шелковыми тканями, искрились и горѣли въ массивныхъ золотыхъ оправѣхъ съ великолѣпнѣйшею эмалью громаднѣйшіе рубины, сапфиры, аметисты, смарагды и жемчуги различныхъ формъ и величины, переливавшіеся разноцвѣтными огнями. Но все это едва обратило разсѣянный взглядъ и вниманіе задумчивой королевны. Она молча кивнула головой, въ знакъ благодарности, но не выказала ни малѣйшей радости ни словомъ, ни жестомъ. Ея братъ Карлъ, вынувъ драгоценный поясъ изъ одного ларца, бросилъ его на колѣни сестры, причемъ, шутя, сказалъ, что, опоясавшись имъ, она сразу выздоровѣетъ. Но поясъ соскользнулъ съ колѣнъ и съ шумомъ упалъ на землю. Его никто не поднялъ. Казиміръ, видя также ея равнодушіе, то краснѣлъ, то блѣднѣлъ... Маркграфъ, находя умѣстнымъ оставить ихъ наединѣ, чтобы дать имъ возможность оправиться, прійти въ себя отъ смущенія и поговорить, удалился въ другой конецъ громадной комнаты и сталъ у окна, изъ котораго виденъ былъ весь блестящій дворъ, залитый солнечнымъ свѣтомъ оживленнаго майскаго утра.

По уходѣ брата, глаза Маргариты первый разъ поднялись на Казиміра, именно въ тотъ моментъ, когда король, обидѣвшись на ея поведеніе, сидѣлъ омраченный и грозный. Однако, одинъ взглядъ княгини, хотя далеко не сочувственный и вѣжливый, измѣнилъ его оскорбленное настроеніе: онъ наклонился къ ней и справился о ея здоровьи. Княгиня подумала; губы ея нервно дрогнули и она сухо отвѣтила:

— Вы видите, что я больна... и всегда буду такою... Поэтому, думаю, что я вамъ не гожусь въ жены... ибо принесу въ вашъ домъ несчастье...

— Надѣюсь, что у меня найдутся средства для устранения вашей болѣзни,—возразилъ король, и все то, что окажется для васъ пріятнымъ, будетъ къ вашимъ услугамъ.

— Мнѣ ужъ ничего не можетъ быть пріятнымъ,—сухо заговорила она.

— Позвольте надѣяться, что это мнѣніе измѣнится.

— Вѣтъ, оно не можетъ измѣниться.

Слова эти сопровождались соотвѣтственнымъ взглядомъ. Король покраснѣлъ, но остался господиномъ самого себя.

— Быть можетъ, — сказалъ онъ помолчавъ, — мои враги

оклеветали меня и отсюда явилось какое-либо предубѣжденіе противъ меня?.. Но вы сами убѣдитесь, что это ложь... что люди клеветаютъ...

Гнягиня гордо тряхнула головой и нетерпѣливо оттолкнула ногой поясъ, упавшій на землю, а затѣмъ, сѣвъ въ кресло, стала смотрѣть въ окно, избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ королемъ, который не сводилъ съ нея глазъ.

— Вы были въ Венгріи? — отозвалась она съ умышленной язвительностью. — Говорятъ, что тамъ очень красивыя женщины и при дворѣ королевы Елисаветы ихъ очень много...

Казиміръ понялъ намекъ, пожалъ презрительно плечами и постарался улыбнуться.

— Однако-же, — прервалъ онъ, — я не встрѣчалъ красивѣе васъ ни въ жизни, ни при венгерскомъ и ни при какомъ другомъ дворѣ.

Маргарита отвѣтила на эту любезность проницательной улыбкой.

— Вы хотите, чтобы я напомнила вамъ о комъ-нибудь? — саркастически спросила она.

Король старался сохранить присутствіе духа при каждой колкости, несмотря на то, что кровь обливала его лицо яркимъ румянцемъ.

— У васъ не можетъ быть соперницъ, — ибо во всемъ мірѣ не найдутся равныя вамъ ни по уму, ни по красотѣ, — сказалъ Казиміръ.

— Очевидно, вы учились вѣжливости у французскихъ трубадуровъ, — возразила она. — Извините меня, но я думаю, что королю болѣе пристала откровенность, чѣмъ лесть.

Казиміръ нахмурилъ лобъ, — онъ взволновался и въ его голосѣ зазвучали нотки обиженного достоинства.

— Сударыня, я буду искрененъ, — если скажу вамъ, что въ васъ вся моя надежда на счастье... Будьте же снисходительнѣе и милостивѣе ко мнѣ... Въ свою очередь, могу васъ увѣрить, что я постараюсь устроить путь вашей жизни цвѣтами и сдѣлать счастливою.

Говоря это, король всталъ; мареграфъ, замѣтивъ его движеніе, подошелъ къ нему.

— Оставимъ Маргариту въ покоѣ, — сказалъ онъ, кладя

руку на спинку ея кресла,—пусть отдыхаетъ и поправляется, чтобы быть здоровой и въ состояніи подать вамъ свою руку въ день своего ангела... Этотъ день назначенъ нашимъ отцомъ, а его воля—должна быть исполнена.

Послѣднія слова онъ подчеркнулъ. Маргарита вскинула глаза на брата, отвѣчая ему нѣмымъ укоризненнымъ взглядомъ.

Король началъ откланиваться, желая поцѣловать ея руку. Она протянула ее съ очевиднымъ отвращеніемъ и небрежностью, и едва король прикоснулся къ ней губами и отвернулся, какъ она быстро вытерла руку о платье. Къ счастью, это замѣтилъ только одинъ Карлъ и пожалъ плечами.

Въ этотъ день польскому королю не дали отохнуть до поздняго вечера. Прежде всего, король Янъ ждалъ его у пиршественнаго стола съ своими шутами; затѣмъ состоялась прогулка по улицамъ города для показа себя народу; потомъ пріемъ въ епископскомъ домѣ; турниры и ристалища; вечернія забавы, рассказы о рыцаряхъ во Франціи и Италіи...

Такимъ образомъ, король Казиміръ вернулся въ свои комнаты поздною ночью. Тамъ онъ засталъ, кромѣ своего двора и старшинъ, которыхъ тотчасъ отпустилъ, Кохана Раву, съ которымъ ему необходимо было поговорить.

Послѣдній старался быть веселымъ, чтобы не дать по себѣ замѣтить, сколько непріятныхъ слуховъ дошло въ этотъ день до его слуха.

Между прочимъ, хитрый Пеларъ посѣтилъ Кохана и, подъ предлогомъ своихъ хорошихъ отношеній съ венграми и милостей къ нему королевы Елисаветы, искалъ случая поклониться ея брату Казиміру. Въ сущности, онъ стремился къ тому, чтобы исполнить нѣкоторые порученія и вообще узнать, что ему нужно.

Коханъ не подозрѣвалъ въ немъ измѣнника, такъ какъ Пеларъ великолѣпно игралъ свою роль усердѣйшаго слуги и доброжелателя Казиміра.

Прежде всего, онъ началъ сожалѣть о королѣ, который, по его мнѣнію, былъ достоинъ лучшей судьбы и счастья, чѣмъ съ больной и печальной княгиней, которая не расположена къ нему и которую ему насильно навязываютъ.

— Вотъ король,—сказалъ онъ,—сдѣлалъ бы очень хорошо,

если бы отказался отъ этого брака, даже если-бъ пришлось откупиться отъ короля Яна!.. Эта женщина не принесетъ ему счастья.

Коханъ молча слушалъ его.

— Теперь ужъ поздно совѣтовать, когда мы прибыли на свадьбу, — возразилъ онъ подумавъ. — Вино, налитое въ чару, нужно пить до дна.

— Но вѣдь есть еще другая пословица: между чарой и губами — большое разстояніе.

Ловкій Пеларъ долго бесѣдовалъ съ нимъ; но, видя, что придворный очень туго на отвѣты, объяснивъ, что онъ пришелъ только засвидѣтельствовать свое почтеніе, очень любезно откланялся.

Весь день Коханъ слушалъ и наслаждался не очень лестными для поляковъ отзывами и мнѣніями. Передъ вечеромъ Зита сказала, что княгиня чувствовала себя хуже, чѣмъ утромъ, что ее сильно лихорадило и что она легла въ постель. На вопросъ короля: что слышно? любимецъ отвѣтилъ однимъ пожатіемъ плечъ. Обезкураженный король былъ очень грустенъ и никто его не могъ утѣшить. Разумѣется, Коханъ старался развлечь и сказалъ, что время все измѣнитъ и что ему не слѣдуетъ отчаяваться.

— Значить, и ты видишь причины, по которымъ можно прійти въ отчаяніе? — спросилъ король. — Не правда-ли? Не везетъ намъ или, точнѣе, мнѣ! Поневолѣ придуть на мысль предсказанія старой колдуньи.

Онъ призадумался, опустилъ руки и свѣсилъ голову.

— Впрочемъ, еще ничто не потеряно! — прибавилъ онъ, ободряя самого себя. — Только бы повѣнчаться и увезти ее въ Браковъ; а тамъ вся ея печаль сама собой разбѣется.

— А не лучше ли было бы отложить свадьбу? — робко произнесъ любимецъ. — Не настаивать и дать ей время свыкнуться съ мыслью?

Король щелкнулъ пальцами.

— День ужъ назначенъ! — воскликнулъ онъ. — Они сами настаиваютъ на томъ и не откажутся... Къ тому же княгиня такъ хороша, что я влюбился въ нее и поэтому она должна быть моею!

Слова эти были сказаны такъ убѣдительно, что Рава ничего не могъ возразить.

На слѣдующій день турниры возобновились; княгиня не поправлялась, и королевскій медикъ не отходилъ отъ нея, хотя ничего худого не предвидѣлось; и чѣмъ сильнѣе Маргарита казалась больной, тѣмъ оживленнѣе были забавы, такъ какъ король Янъ хотѣлъ устранить тѣ грустные впечатлѣнія, которыя вызывала болѣзнь.

Король Казиміръ поневолѣ долженъ былъ притворяться веселымъ и спокойнымъ, хотя въ душѣ его далеко не было ни весело, ни спокойно. Донесенія Бохана въ теченіе дня, когда онъ подходилъ къ нему подъ разными предлогами и шепталъ таинственныя слова, были все печальнѣе и печальнѣе; болѣзнь княгини увеличивалась каждую минуту, но о ней нельзя еще было говорить при дворѣ. Теперь ужъ и на лицѣ Карла и его жены Біанки проявлялась замѣтная тревога и безпокойство, которыя они старались скрыть. Черезъ день Маргарита лежала почти безъ памяти и испуганный лѣкарь, дрожа доложилъ королю, что всѣ средства его были исчерпаны, что опасность была велика и что, наконецъ, оставалось только обратиться къ тому лѣкарю, который даетъ силу, жизнь и смерть, то есть къ Богу и молитвѣ.

Король Янъ, сдѣлавшійся послѣ потери зрѣнія болѣе набожнымъ, чѣмъ былъ до этого времени, задрожалъ и заломилъ руки. Онъ приказалъ отвести себя къ дочери, но та ужъ не узнала его.

Поблѣднѣвшій Карлъ пошелъ къ польскому королю сообщить ему печальную новость. Казиміръ не допускалъ, чтобы какая-либо опасность грозила Маргаритѣ, а потому онѣмѣлъ отъ удивленія и отчаянія: онъ тоже заломилъ руки, а затѣмъ закрылъ ими глаза.

— Несчастнѣйшій я человѣкъ! — воскликнулъ онъ. — Господи! Неужели Ты такъ жестоко наказуешь меня за мои грѣхи?

Напрасно маркграфъ Карлъ старался его успокоить: онъ былъ положительно неутѣшенъ.

Благодаря такому обстоятельству, всѣ игры и забавы были прекращены, и зловѣщая тишина воцарилась на королевскомъ

дворѣ. Епископъ Янъ Дражницкій прибылъ изъ Новаго Города къ королю оповѣстить, что онъ соборне со всѣмъ духовенствомъ будетъ служить молебны съ крестными ходами, въ продолженіе четырнадцати дней, и молить Бога о предотвращеніи того несчастія, которое грозило королевскому дому. По этому поводу ужъ были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія, церковные колокола загудѣли по всѣмъ церквамъ, и вчерашній веселый городъ превратился чуть не въ траурный. Народъ валомъ повалилъ во всѣ церкви и часовни. Духовенство съ хоругвями и крестами длинными вереницами совершало крестные ходы изъ Вышеграда въ церкви Св. Вита, Св. Николая и Пресвятыя Богородицы. Король Казиміръ отправился пѣшкомъ со всѣмъ своимъ дворомъ въ замковую церковь, пожертвовавъ предварительно значительную сумму въ пользу церквей. Словомъ, страшная тревога овладѣла всѣми, и тѣмъ болѣе страшная, что она явилась внезапно послѣ вчерашняго веселья.. Все это производило грандіозное впечатлѣніе, и люди усматривали въ этомъ персть Божій за грѣхи стараго слѣпца, который не мало набѣдокурилъ въ своей жизни и на своемъ вѣку.

Призванные на консиліумъ доктора не подзавали никакой надежды на выздоровленіе: горячка ни на минуту не только не прекращалась, а даже увеличивалась. Больная не узнавала людей, бредила, плакала, кричала, металась въ постели и вскакивала; воспоминанія прошлаго и настоящаго до того перепутались въ ея головѣ, что покойный мужъ, женихъ, ребенокъ, исторія съ Амадеями, предполагаемыя пытки въ неволѣ супружества—все это превратилось въ какіе-то хаотическіе, непонятные крики, которые приводили въ ужасъ всю женскую прислугу, окружавшую ея постель. А послѣ всякихъ такихъ проявленій болѣзни, наставало внезапная слабость организма и какъ будто онемѣніе, послѣ котораго начинались снова тѣ же припадки... Жизнь ея замѣтно таяла. Этотъ случай вызвалъ большое замѣшательство при дворѣ, несмотря на всю дисциплину и порядокъ, заведенный при немъ. Слепой король волновался, сердился и мучился, упрекая себя за то, что онъ своимъ упрямствомъ вызвалъ болѣзнь и могъ быть причиной смерти дочери.

При королѣ Казиміръ остался только одинъ маркграфъ

Карлъ, который старался его утѣшить: болѣзнь могла скоро пройти и больная выздоровѣть. Къ тому же молитвы духовенства, крестные ходы съ мощами святыхъ, всякія жертвы на церкви не могли не поспособствовать ея выздоровленію. Распоряженіе епископа и примѣръ духовенства, соборно вознесившаго свои моленья Богу, тронули народъ, который сбѣжался со всѣхъ сторонъ на свадьбу, а потомъ чуть ли не на похороны.

Всѣ храмы были переполнены молящимся народомъ и звонъ колоколовъ распространялъ еще большую панику.

Когда около постели больной находился весь женскій персоналъ, во главѣ съ маркграфиней Біанкой, и на столахъ стояли мощи святыхъ угодниковъ, принесенныя изъ церквей, король Казиміръ сидѣлъ наединѣ въ своей комнатѣ или вмѣстѣ съ королемъ Яномъ, страдая и болѣя вмѣстѣ съ Маргаритой. Онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что страшныя предсказанія колдуньи могутъ осуществиться, и это суевѣріе повергало его въ уныніе. Его преслѣдовала судьба, и въ ушахъ звучало мстительное и никогда не забываемое имя Амадея.

Боханъ Рава, стоявшій всегда на стражѣ, не смѣлъ отозваться, а только смотрѣлъ и ждалъ; но напрасно: король никого не видѣлъ и былъ глубоко задумчивъ. Всѣ радости и надежды, съ какими онъ уѣхалъ въ Прагу, уничтожила какая-то одна несчастная минута. По временамъ ему докладывали утѣшительныя вѣсти, что королевна спала и ея болѣзнь какъ будто облегчалась. Въ такія минуты надежда опять вступала въ его сердца: значить, Господь выслушалъ народную мольбу, умиловившись надъ больною и ниспосылаетъ на нее Свою благодать... Тогда всѣ оживали; но это не долго продолжалось; хотя въ слѣдующіе дни сила симптомовъ болѣзни сокращалась, но ослабѣваніе все увеличивалось, и доктора не предвѣщали ничего хорошаго.

Между тѣмъ молебствія не прекращались.

Несмотря на то, что Казиміру не совѣтовали и даже не хотѣли допустить его навѣстить больную, чтобы не увеличивать тѣмъ непріятнаго впечатлѣнія, онъ все-таки требовалъ того такъ настойчиво, что маркграфиня Біанка вынуждена была допустить и самолично повела его къ Маргаритѣ. Комната, въ ко-

торой больная лежала, была со сводами, довольно низкая, съ задрапированными окнами, съ лампадкама у иконъ и слабымъ свѣтомъ, проникавшимъ со двора черезъ драпировки. Вокругъ ея постели то стояли на колѣняхъ, то сидѣли женщины, смотря на частыя измѣненія ея лица вслѣдствіе внутреннихъ страданій. Ея глаза то открывались и останавливались неподвижно, то закрывались какъ бы во снѣ. Но этотъ сонъ не былъ сномъ отдохновенія. Она безпокойно разбрасывалась на постели и конвульсивно сдвигала бѣлыми руками одѣяло, которое женщины поправляли ежеминутно. Ея блѣдное лицо было такъ благородно и прекрасно, какъ и прежде, но выраженіе его придавало страдальческій видъ.

Одинъ изъ придворныхъ священниковъ стоялъ у наоя и читалъ молитвы, быть можетъ въ ожиданіи минуты, когда больная придетъ въ себя и къ ней возвратится память. Казиміръ, слѣдуя за маркграфиней Біанкой, подошелъ къ самой постели. Больная какъ будто почувствовала его присутствіе, открыла глаза и изъ груди ея вырвался слабый возгласъ, послѣ котораго она быстро повернулась на другую сторону постели. Король Казиміръ поблѣднѣлъ, тѣмъ не менѣе, онъ ждалъ хоть признака утѣшенія. Біанка спрашивала женщинъ, не замѣчаютъ-ли онѣ улучшенія въ больной, но послѣднія въ отвѣтъ только заплакали.

Вскорѣ послѣ этого раздался глухой голосъ Маргариты.

— Не хочу!.. не хочу!—воскликнула она отрывисто, задыхаясь.—Снимите кольцо и отошлите подарки... Здѣсь умру... здѣсь... меня не увезутъ... кровь... кровь...

Эти слова произвели на короля такое убійственное впечатлѣніе, что онъ былъ вынужденъ уйти, и онъ ушелъ, точно слѣпой или оглушенный громомъ, съ овлажившимися глазами и сжавшимся отъ боли сердцемъ. Не говоря ни съ кѣмъ ни слова, онъ заперся въ своихъ комнатахъ...

Вечеромъ онъ отправился съ своей свитой въ церковь св. Вита, къ алтарю Свв. Станислава и Освальда, у котораго духовенство отслужило молебенъ, и король сдѣлалъ пожертвованіе на храмъ.

Настала глухая, но безсонная ночь для всѣхъ въ замкѣ. Король Янъ сидѣлъ въ креслѣ, посылая слугъ чуть не каж-

дую минуту справляться о здоровьи дочери. Королю Казимиру докладывали о томъ же Коханъ и Карлъ, который утѣшалъ его и внушалъ надежду. Во всѣхъ костелахъ горѣли свѣчи и совершались богослуженія.

На слѣдующій день настало ясное, теплое солнечное майское утро. Это было пятнадцатаго мая, въ день св. Софiи. Но едва только солнышко начало подниматься, какъ во всѣхъ церквахъ въ Старой и Новой Прагѣ, въ Вышградѣ и на замкѣ раздался унылый перезвонъ: Маргарита умерла.

До этой минуты, какъ слѣпой отецъ, такъ и несчастный женихъ питали еще смутную надежду на совершеніе чуда; но когда по замку разнеслась страшная вѣсть о смерти княгини и женщины заголосили по всѣмъ угламъ его, король Янъ тоже зарыдалъ и упалъ на колѣни, такъ что королевичъ Карлъ еле могъ поднять его.

— Ведите меня къ Казимиру!—воскликнулъ онъ, стараясь хладнокровно перенести несчастье.—Этотъ ударъ судьбы долженъ быть точно также тяжелъ и для него...

Отецъ съ сыномъ вошли въ комнату Казимира, въ которой онъ приходилъ въ отчаяніе. Польскій король бросился къ ногамъ старца и, зарыдавъ, обнялъ его колѣни.

— О, государь!—воскликнулъ онъ,—ты, котораго я ужъ называлъ своимъ отцомъ и котораго хочу называть и впредь, ты только одинъ можешь понять мои страданія!.. Не стало Маргариты, а съ нею разрушились всѣ мои надежды, счастье всей моей жизни и будущность всего моего рода...

Огорченные отецъ, его сынъ и Казимиръ бросились обнимать другъ друга. Маркграфъ больше всѣхъ сохранялъ спокойствіе и былъ умѣренъ въ своемъ отчаяніи. Хотя и ему было жаль этого прекраснаго цвѣточка, сорваннаго смертью на молодомъ стеблѣ, но требованія жизни заставляли его быть разумнымъ и не терять присутствія духа.

Старый король Янъ, этотъ неустрашимый рыцарь, который не разъ подвергалъ себя очевидной смерти и съ геройскимъ самоотверженіемъ баролся съ нею,—былъ теперь сокрушенъ и безсиленъ.

Въ свою очередь и король Казимиръ, хотя еще былъ во цвѣтѣ лѣтъ, но пережилъ многое, гнулся тоже подъ такимъ

ударомъ судьбы: онъ вдвойнѣ страдалъ, какъ изъ-за смерти невѣсты, такъ и изъ-за предсказанія колдуньи, которое невольно приходило ему на память...

— Отецъ мой!—воскликнулъ онъ, обнимая слѣплого старика:—сжался надо мною! Меня преслѣдуетъ какой-то злой рокъ, и незаслуженное проклятіе тяготѣетъ надъ моей головою!.. Я долженъ погибнуть, будучи послѣднимъ въ родѣ, и мой царственный вѣнецъ перейдетъ въ другія руки...

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Янъ, котораго сынъ усадилъ въ кресло изъ опасенія, чтобы онъ не упалъ, послѣ такой бессонной ночи и тяжелой утраты,—нѣтъ! Ты называлъ меня своимъ отцомъ и я хотѣлъ быть имъ, отдавая тебѣ родную дочь... Но что дѣлать, если смерть разбила всѣ наши лучшія желанія... Тѣмъ не менѣе, я не откажусь отъ этого священнаго званія и отъ обязанностей, сопряженныхъ съ нимъ...

— Братецъ!—прибавилъ маркграфъ,—я тоже не отказываюсь отъ родства съ тобою, только дай пройти нашему тяжкому горю... Я и отецъ мой постараемся найти тебѣ жену... Ты женишься и, дастъ Богъ, устранишь всѣ нелѣпыя предразсудки и предсказанія... Мы не допустимъ, чтобы твое королевство...

— Прекрасно говоришь, Карлъ,—оживленно перебилъ его старикъ:—пусть наше взаимное горе соединить насъ навсегда... Поклянемся другъ другу вѣчнымъ братствомъ... Я и Карлъ найдемъ тебѣ жену...

Казиміръ пожалъ руку старика.

— А я клянусь вамъ,—воскликнулъ онъ,—памятью той дорогой для меня усопшей, которую ужъ мнѣ никто не можетъ замѣнить, что я приму отъ васъ ту жену, которую вы мнѣ дадите... она послужитъ намъ новымъ союзомъ между мною и вами...

Такимъ образомъ, при неостывшемъ еще тѣлѣ усопшей сестры, маркграфъ Карлъ провелъ мысль, необходимую для его политики, которую хотѣлъ удержать какъ связь между Польшей и Люксембургскимъ домомъ...

Казиміръ принялъ ее съ слѣпымъ довѣріемъ подъ тяжестью предсказанія и сомнѣнія за будущее. Его дочь отъ Альдоны не могла возложить на себя короны, которую должна была защищать мужественная и сильная рука...

Чрезъ нѣсколько дней состоялись похороны. Король Казиміръ сопровождалъ бранные останки безвременно умершей невѣсты до мѣста упокоенія въ королевской усыпальницѣ на Зброславѣ, а затѣмъ, по окончаніи печальныхъ обрядностей, оба короля увѣрили еще разъ другъ друга въ неразрывномъ союзѣ, причемъ король Янъ и маркграфъ Карлъ повторили свое обѣщаніе найти Казиміру невѣсту, которую онъ рѣшился принять изъ ихъ рукъ безпрекословно.

Прощаніе было трогательное и торжественное; но польскій король, вѣзжавшій такъ недавно въ Прагу какъ триумфаторъ, съ шумомъ и привѣтственными кликами, уѣзжалъ теперь, раннимъ утромъ, сопровождаемый Карломъ въ траурѣ, при полнѣйшей тишинѣ и печали жителей: король Казиміръ возбуждалъ всеобщее сочувствіе. Правда, онъ стоически перенесъ свое горе и мужественно встрѣчалъ неизвѣстное будущее, но глубокая печаль невольно проявлялась во всемъ и дѣлала его ко всему безучастнымъ. Онъ ѣхалъ равнодушно, ни въ чемъ не выказывая ни своей радости, ни стремленія.

Такимъ онъ былъ по крайней мѣрѣ на первомъ ночлегѣ и такимъ его видѣлъ любимый духовникъ, ксендзь Суховилькъ Грималитъ, сопровождавшій его въ Прагу. Онъ былъ однимъ изъ серьезнѣйшихъ и ученнѣйшихъ священниковъ того времени, умнѣйшимъ и безупречнѣйшимъ по своему характеру. Онъ былъ привязанъ къ королю Казиміру, и послѣдній платилъ ему за это полнымъ довѣріемъ. Онъ воспитывался, какъ и его дѣдушка, архіепископъ Богорья, за границей, въ Болоньи, Падуѣ и Римѣ, въ которомъ и кончилъ образованіе. Кромѣ глубокаго знанія наукъ, онъ привезъ съ собою здравое сужденіе и понятіе обо всемъ, что касалось его родного края. Обладая замѣчательной силой воли, умѣя говорить правду и не унижаясь до лести, онъ былъ цѣннимъ и уважаемъ королемъ, который часто былъ послушнымъ ему. Дѣже самая фигура его выражала человѣка съ энергичнымъ, неустрашимымъ и внушительнымъ характеромъ и король не могъ ожидать отъ него какого-либо смягчающаго утѣшенія.

Суховилькъ, войдя въ комнату, въ которой король сидѣлъ въ задумчивости, а Коханъ стоялъ молча у порога, посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ. Король, стыдясь своей

явной слабости и печали, всталъ навстрѣчу ему, принуждая себя улыбнуться. Коханъ, чувствуя себя здѣсь лишнимъ, удалился и они остались одни. О. Суховильскъ помолчалъ нѣкоторое время.

— Всемиловѣйшій государь!—наконецъ отозвался онъ, спокойно мѣряя короля своимъ взглядомъ,—не совѣтую вамъ поддаваться огорченію и печали, хотя она и присуща каждому при такихъ обстоятельствахъ. Такова ужъ судьба человѣческая, ибо на землѣ все кратковременно и преходяще... Господь испытываетъ насъ, пробуя нашу устойчивость...

Грималить замолчалъ на минуту и потомъ медленно продолжалъ:

— Не вамъ и не намъ дано страдать и поддаваться своимъ страданіямъ: это присуще только людямъ, живущимъ для васъ и вокругъ васъ. Священники и цари—слуги божьи. Монархи держутъ въ своей десницѣ судьбы государствъ... и у васъ есть о чемъ думать, заботиться и что дѣлать... Вся страна находится въ бездѣйствіи и ждетъ васъ, а потому вамъ не подобаетъ проливать слезы надъ собственной судьбой...

У короля заблестѣли глаза; онъ слушалъ внимательно и ксендзъ, смотря на него, оживленно прибавилъ:

— Вы только подумайте о вашемъ государствѣ, и ваше собственное горе станетъ вамъ не столь чувствительнымъ и угнетающимъ.

— Вы правы, отецъ мой,—возразилъ король,—но есть горе и страданія выше всякихъ силъ...

— Всѣ силы зависятъ отъ воли, а послѣдняя зависитъ отъ самого человѣка.

— Войдите въ мое положеніе... Мысль быть послѣднимъ въ роду—убиваетъ меня... И въ то время, когда я думалъ, что мнѣ удастся побѣдить предчувствія и когда я надѣялся...

— Ваша надежда еще не потеряна,—прервалъ энергично о. Суховильскъ.—Всякія предчувствія и предсказанія не болѣе, какъ искушеніе сатаны. Милосердый Господь рѣдко объявляетъ будущее, а если и объявляетъ, то дѣлаетъ это черезъ лицъ, достойныхъ его довѣрія... Но вы, милостивѣйшій король, если-бъ даже какое-то предсказаніе должно было осуществиться—отъ чего, Господи, храни!—можете оставить послѣ себя болѣе,

чѣмъ потомство, а именно: ваши дѣянія и память о вашемъ царствованіи, которая переживетъ многіе роды и поколѣнія...

Король посмотрѣлъ на него съ оживленнымъ любопытствомъ.

— Что же я могу сдѣлать?—спросилъ онъ.

— Вы спрашиваете, что дѣлать въ Польшѣ, кое-какъ собранной и склеенной вашимъ отцомъ!—воскликнулъ о. Суховильскъ. — Мнѣ кажется, мало всей человѣческой жизни для того, чтобы сдѣлать для нея, что нужно!.. Вы видѣли, милостивѣйшій король, великолѣпнѣйшій городъ Прагу?.. А развѣ мы не можемъ имѣть такихъ городовъ? Вѣдь у насъ все запущено и все находится въ первобытномъ состояніи!... Что стоятъ наши деревянные замки, эти костры, которые какъ будто только и приготовлены для сжиганія? У насъ ничего нѣтъ, даже школъ... весь край полупустой, людей мало, ихъ надо приобрѣсть и заселить ими страну...

Король слушалъ съ большимъ оживленіемъ.

— Наконецъ, у насъ нѣтъ никакихъ законовъ!.. Гдѣ они? Во всѣхъ государствахъ существуютъ такія или иныя правила, согласно которымъ производится судъ и расправа между народами, а у насъ, по какому-то старому обычаю, каждый самъ себѣ судья и каждый судить иначе... какъ хочетъ. Какое же это королевство, когда въ немъ много обычаевъ, а нѣтъ никакого писаннаго закона?... Какіе-либо писаришки пишутъ себѣ для памяти разную белиберду, которую потомъ выдаютъ за кодексы, никѣмъ не установленные, неутвержденные и никому неизвѣстные!.. Развѣ это хорошо, что наши мѣщане, судясь съ кѣмъ-либо и оставаясь недовольными приговорами, обращаются въ Магдебургъ, подъ чужое покровительство съ апелляціями и проч.?

О. Суховильскъ, насколько былъ хорошимъ теологомъ, настолько же и юристомъ, а потому невольно увлекся, говоря объ этихъ предметахъ; но онъ во время спохватился и замѣтилъ, что не теперь время было говорить о томъ королю, и повелъ свой разговоръ иначе.

— Отецъ вашъ воевалъ, — прибавилъ онъ, — а вы должны строить и хозяйствовать... Развѣ намъ не больно слушать, когда чужестранцы, говоря о нашемъ краѣ, называютъ его варварскимъ и дикимъ, заросшимъ лѣсомъ, нераздѣланнымъ и по-

дузыкаческимъ? Развѣ не стыдно, когда насъ упрекають въ опасности нашихъ дорогъ и всякихъ неудобствахъ на нихъ?.. Кромѣ того, у насъ нѣтъ никакихъ ремеслъ и мы все должны пріобрѣтать у чужихъ...

Казиміръ какъ будто позабылъ о своемъ горѣ.

— Ахъ, отецъ мой!—прервалъ онъ,—вы отлично знаете мои мысли, ибо я не разъ высказывалъ ихъ, что всѣ мои желанія и старанія были построены на томъ, чтобы сохранить спокойствіе и чтобы бѣдный народъ могъ безопасно расселиться и богатѣть!.. Я тоже желаю всего того, что и вы, но какимъ образомъ намъ достигнуть этого? Съ чего начать?

— Какъ съ чего? — воскликнулъ Суховильскъ. — Съ того, что самое необходимое... Вы ужъ дали отдохнуть опустошеннымъ набѣгами землямъ, а это ужъ большое благодѣяніе... Теперь остается подумать, что дѣлать, и приняться за дѣло.

Король призадумался. Очевидно, Грималиту удалось отвлечь его мысли отъ терзающихъ воспоминаній и въ Казиміръ отозвалась та струнка, которая звучала громче всѣхъ другихъ въ его молодости, а именно, струнка подъема страны и постановки ея на уровнѣ со всѣми другими государствами Европы.

— Что же, по вашему, самое необходимое? — спросилъ король.

О. Суховильскъ посмотрѣлъ на него.

— Хлѣбъ и зажиточность народа дать намъ спокойствіе, — сказалъ онъ, — а за ними какого рода нужды являются самыми необходимыми?

Король Казиміръ легко могъ угадать мысль говорившаго, такъ какъ тоже зналъ, что его больше всего интересовало.

— Справедливость, — робко замѣтилъ онъ.

— Именно!—воскликнулъ съ радостью отецъ Суховильскъ. — Дайте Польшѣ права и законы, и вы оставите послѣ себя бессмертную память, которая будетъ стоять выше всякихъ наслѣдниковъ.

— Хорошо!—отвѣтилъ король, вставая и оживляясь. — Только вы ужъ въ этомъ дѣлѣ помогите мнѣ и тогда оно явится для меня настоящимъ утѣшеніемъ...

И онъ умолкъ.

О. Суховилькъ, находя свой совѣтъ полезнымъ, какъ лѣкарство, продолжилъ разговоръ:

— Что касается писанныхъ законовъ, то у насъ ихъ почти нѣтъ, а если есть кое-что, то все это разбросано и ведется по традиціямъ отъ праотцевъ и противорѣчить одно другому... Нужно все собрать воедино, составить, соединить и обработать, чтобы вышло, какъ одинъ король, такъ и одинъ законъ для всѣхъ...

Король обнялъ о. Суховилька.

— Помогите мнѣ, помогите!—воскликнулъ онъ.—Нужно, чтобы этотъ законъ взялъ подъ свое покровительство и защиту бѣдный людъ, въ особенности крестьянъ... Я далъ слово умирающему отцу защищать ихъ...

— Да, Христосъ одинаково страдалъ какъ за насъ, такъ и за нихъ,—прибавилъ ксендзъ.

Этимъ разговоромъ отецъ Суховилькъ занялъ короля до поздней ночи.

На слѣдующее утро король самъ возобновилъ его, сознавая необходимость упорядоченія правъ въ королевствѣ и желая оставить послѣ себя добрую память. Такимъ образомъ, они доѣхали до Кракова, оставляя который при отъѣздѣ въ Прагу онъ былъ веселъ и счастливъ, надѣясь вернуться въ него съ молодой женой; но теперь столица возобновила печальныя воспоминанія, и онъ велѣлъ остановиться вдали отъ города, чтобы пріѣхать на Вавель ночью, украдкой къ своей сироткѣ, которой обѣщалъ привезти мать...

Но въ жизни случаются неизбѣжныя толчки и удары.

У городскихъ воротъ король замѣтилъ шедшаго въ противоположномъ отъ него направленіи рыцаря, который какъ будто убѣгалъ отъ него. Онъ узналъ блѣдное лицо съ черными волосами, и передъ его глазами опять замелькали куски четвертованныхъ и окровавленныхъ тѣлъ: это былъ Амадей! Король приказалъ, чтобы его не встрѣчали, и никто не выходилъ и не выѣзжалъ для привѣтствія. Только на порогѣ замка его встрѣтилъ вѣрный слуга Николай Вѣржинокъ, который поклонился ему молча до земли. Они посмотрѣли другъ на друга, и слуга прочелъ въ глазахъ своего государя всю печальную исторію его путешествія, которое закончилось, какъ похороны, печальнымъ

звономъ колоколовъ, оповѣщавшихъ еще славшій городъ объ утренней заупокойной молитвѣ.

II.

Крестьянинъ-вѣдунъ.

Недалеко отъ Кракова жилъ въ то время на Прондникѣ давно поселившійся тамъ крестьянинъ Алексѣй. Сосѣди, въ просторѣчьи, называли его просто Лексой и дали ему прозвище Вѣдуна. Такія прозвища были въ обычаѣ въ то время и слово «вѣдунъ» обозначало, что Алексѣй былъ всевѣдающій чело-вѣкъ, котораго не легко провести, а тѣмъ больше обмануть. Это былъ зажиточный чело-вѣкъ, но не считалъ себя, какъ другіе, землевладѣльцемъ, а, напротивъ, съ гордостью говорилъ каждому, что онъ былъ и есть отъ пра-дѣдовъ простой крестьянинъ. И онъ держалъ себя, именно, какъ слѣдовало крестьянину, чтобы никто не могъ въ немъ ошибиться. Поэтому у него и шапка была крестьянскаго покроя, и суконный кафтанъ, какіе носили крестьяне, и посохъ съ обушкомъ, вмѣсто оружія: словомъ, все крестьянское. Хотя бѣднѣйшіе изъ крестьянъ низенько кланялись ему, а деревенскіе судьи и старшины называли его своимъ братомъ, но у Вѣдуна была такая натура, что онъ охотнѣе велъ дружбу съ маленькими людьми, чѣмъ съ начальствомъ, защищалъ ихъ, называлъ своими и не терпѣлъ тѣхъ людей, которые обижали ихъ. Вся фигура его была далеко не презентабельна и немногое обѣщала. Онъ былъ крѣпкій, довольно толстый, съ обыкновенными чертами загорѣлаго и сморщеннаго лица; но, при всей своей неказистости, въ глазахъ его было что-то умное, за что каждый уважалъ его. Вѣдунъ, прозванный такъ за его всезнайство, никогда и ничему не учился и всю свою мудрость почерпалъ, какъ онъ самъ говорилъ, въ лѣсу, а въ сущности бралъ ее у тѣхъ людей, къ которымъ она переходила по наслѣдству отъ дѣдовъ и пра-дѣдовъ. Никто лучше его не зналъ всѣхъ старинныхъ обычаевъ, преданій, пѣсень, повѣрій и народныхъ дѣяній, которыя, не будучи писанными, переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе. Если у кого являлось